

Михаил
СЕМЕВСКИЙ

*Тайная канцелярия
при Петре Великом*

Михаил Семевский

**Тайная канцелярия
при Петре Великом**

«Public Domain»

Семевский М. И.

Тайная канцелярия при Петре Великом / М. И. Семевский —
«Public Domain»,

В этой книге представлены документальные повести известного русского историка, писателя и общественного деятеля Михаила Ивановича Семевского, затрагивающие деятельность Тайной канцелярии – специальной службы политического сыска, организованной в годы правления Петра I. Используя богатый фактический материал, автор достоверно и убедительно передал атмосферу интриг и доносов, широко распространенных в петровской России.

© Семевский М. И.

© Public Domain

Содержание

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ	5
I. Брак царя Ивана V Алексеевича с Пасковьей Салтыковой	5
II. Жизнь в Москве, селе Измайлове и переселение в С.- Петербург	12
III. Царевна и герцогиня Курляндская Анна Ивановна	25
IV. Нежный братец Василий Федорович Салтыков	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Семеновский Михаил Иавнович

Тайная канцелярия при Петре Великом

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

I. Брак царя Ивана V Алексеевича с Прасковьей Салтыковой

По мере того как рос и мужал царь Петр, правительница царевна Софья Алексеевна яснее и яснее видела непрочность своего положения; в тайных советах с князем Василием Голицыным она тщательно обдумывала план удержания за собой господства над братьями и власти над Россией.

Мысль об удалении Петра от престола, даже об убиении царственного юноши, рано стала туманить голову сестры; не раз сообщала она об этом своему фавориту, но князь Василий Васильевич благоразумно удерживал ее от преступления, а для упрочения на ее голове короны предложил женить Ивана Алексеевича. Царь Иван был от природы скорбен главою (т. е. слабоумен), косноязычен, страдал цингой; полуслепой, с трудом подымал свои длинные веки, и на восемнадцатом году от рождения, расслабленный, обремененный немощью духа и тела, служил предметом сожаления и даже насмешек бояр, его окружающих. Жених он был плохой, но, весь во власти царевны Софьи, он не противился ее желанию.

Греческий историк Феодози говорит, что брак Ивана был задуман князем Голицыным, который, считая насильственные меры против Петра крайне опасными, советовал Софье: «Царя Иоанна женить, и когда он сына получит, кой натурально имеет быть наследником отца своего, то не трудно сделаться может, что Петр принужден будет принять чин монашеский, а она, Софья, опять за малолетством сына Иоаннова, пребудет в том же достоинстве, которое она желает...» Затем Феодози добавляет, что «хотя Царь Иоанн сперва к тому (браку) никакой склонности не оказывал, однако не был он в состоянии противиться хотению сестры своей».

Жених был готов, дело было за невестой. По обычаю священной старины, в царские терема свезли дочерей высшей московской аристократии. Засуетились их родители, закипели страсти придворных честолюбцев, немощи и скорбь главы Ивана были забыты; все ждали его выбора. Был ли он заранее решен Софьей или представлялся на произвол жениха – неизвестно; как бы то ни было, но в толпе юных боярышень подслеповатые очи Ивана остановились на круглолицей, полной Прасковье Салтыковой.

Подобные выборы невест, по рассказам иностранцев, бывали прежде гораздо сложнее: боярышням, свезенным на выборку, отводили покои, каждой отдельно; угощали всех за одним столом, увеселяли разными забавами. Царь присматривался к ним, прислушивался к их беседам, заговаривал сам, осматривал по ночам, кто как спит – спокойно или беспокойно, и, наконец, восплав страстию, отдавал избранной платок и перстень, а остальных щедро одаривал платьями и разными вещами, затем распускал по домам. На этот раз воля Софьи и немощь Ивана упростили дело, и двадцатилетняя Прасковья, без дальнейших испытаний, наречена невестой восемнадцатилетнего царя Ивана (он родился 28 августа 1666 года).

Впрочем, если верить портрету, «скомпонованному» по портрету, хранящемуся в московском Новоспасском монастыре, то невеста Ивана была высока, стройна, полна; длинные волосы густыми косами ниспадали на круглые плечи; круглый подбородок, ямки на щеках,

косички, красиво завитые на невысоком лбу, – все это представляло личность интересную, веселую и очень миловидную.

Свадьба совершена была со всеми церемониями, которыми обыкновенно сопровождались подобные торжества.

8 января 1684 года, накануне венчания, был у царя стол для бояр, боярынь, родственников отца и невесты. Иван с Прасковьей сидели за особым столом. Царский духовник, протопоп, благословив жениха и невесту, велели им поцеловаться, а бояре и боярыни поднялись с поздравлениями; после стола невеста отпущена домой, и гости разъехались.

9 января 1684 года, в среду, царь Иван провел все утро в соборах: отслужил молебен; на гробах державных предков отправил пение, приложился к святыням и просил у патриарха благословения на брачную жизнь.

Между тем кончились приготовления: уборка палат, свадебных столов, расставление яств и проч. и проч., и торжество началось с выполнением тех мельчайших обычаев, которые освящены были в глазах действующих лиц давностью лет и вековым употреблением.

Многие из этих обычаев, по отношению к настоящей свадьбе, были не что иное, как выполнение пустой формальности; так, например, Прасковья равнодушно могла слушать поучение венчавшего их патриарха: «...у мужа будь в послушании, друг на друга не гневайтесь, покорно выноси гнев супруга, если он за какую-нибудь вину поучит тебя слегка жезлом, так как он глава в доме», и проч. Прасковья не могла не знать, в каком положении эта глава, насколько она в состоянии была думать, не только управлять ею, и отдавала свою руку не из любви и уважения к жениху, а потому, что ей и в голову не должна была прийти мысль об отказе: этот брак возвышал ее родителей, родных и, наконец, высоко ставил ее самую над остальными боярынями и боярышнями.

Обряд венчания в соборной церкви совершал патриарх Иоаким с ключарем и тремя диаконами. Звон был в большой новый колокол, а с пришествия государя в собор – во все колокола, и не умолкал до молебна.

После венчания и свадебного стола именитые гости, проведя царя и царицу в опочивальню, уселись за стол, выжидая час боевой, когда дружка принесет весть, что у царя доброе совершилось.

«А на утро следующего дня, как велось это обыкновенно, царю и царице готовили мыльни разные, и ходил царь в мыльню, и по выходе из нее возлагали на него сорочку и порты, и платье иное, а прежнюю сорочку велено было сохранять постельничему. А как царица пошла в мыльню и с нею ближние жены, и осматривали ее сорочку, а осмотря сорочку, показали сродственным женам немногим для того, что ее девство в целости совершилось, и те сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собрав вместе, сохраняли в тайное место» и проч.

Нет причины думать, чтоб все эти формальности не были выполнены, притом выполнены удовлетворительно; брачное торжество, по крайней мере по наружности, было «в добром совершении», и вся родня новой царицы ликовала в царских теремах за свадебными столами; на дворе и по сеням музыканты играли в трубы, били в литавры, и пылали разложенные в различных местах на улицах и на дворах костры: то была того времени иллюминация.

Родня царицы была обширная: Салтыковы принадлежат к древнейшим и именитейшим фамилиям. Происхождение Салтыковых восходит к XIII веку. Предок их Михайло Прушанин выехал из Пруссии в Новгород; от него пошли в пятом колене Морозовы, Чоглоковы, Шестовы и др.; а в восьмом колене от Морозова-Салтыка потянулись Салтыковы. Они рано стали играть весьма важные роли на политическом, военном и гражданском поприщах; многие из них были самыми доверенными и приближенными лицами московских государей. Так, мы видим Андрея Салтыкова оружейничим и любимцем великого князя Василья Ивановича; брат его, Василий Салтыков, оборонил Опочку от Константина Острожского. Двое Салтыковых пали в Ливонских походах; двое были именитыми боярами при дворе Грозного; племян-

ник их – сокольничим и любимцем Годунова; Борис Михайлович Салтыков – весьма важным лицом при царе Михаиле, а брат его, Михаил, – кравчим, окольным и любимцем царя Алексея, при дворе которого четверо Салтыковых были боярами.

Один из Салтыковых, боярин Михаил Глебович, по прозванию Кривой, принимал значительное участие в смутах при Лжедмитрии, был главным сподвижником польской партии и в 1612 году уехал с сыновьями в Польшу, где был щедро одарен королем Сигизмундом. Сын его, Федор Михайлович, выстроил в отцовских жалованных поместьях, близ Дорогобужа, православный монастырь и, приняв сан инок с именем Сергия, сделался самым деятельным распространителем раскола (умер в 1655 году); брат его, Петр, был дедом царицы Прасковьи, отец которой, Александр, при царе Алексее, с завоеванием Смоленска, принял русское подданство. На основании некоторых известий, он был в Енисейске комендантом, откуда вызван Софьей Алексеевной.

Несмотря на то, что непосредственные родоначальники Прасковьи, ее прадед и дед, были изменники отечества, все-таки фамилия Салтыковых была славна заслугами многих из своих представителей; ни в одной из фамилий не было столько бояр, и нет ничего удивительного, что правительница одобрила выбор брата, а может быть, и сама сделала его. А. Салтыков незадолго до свадьбы сделан правителем и воеводою города Киева. Счастливый родитель тогда же был возведен в сан боярина, с повелением переменить имя: вместо Александра он наименован Федором, вероятно, в честь имени покойного государя. Переименованный Салтыков был два раза женат: от первого брака с какой-то Катериной Федоровной родился сын Василий Федорович и две дочери – Прасковья и Настасья Федоровны. Вторую женою их родителя была Анна Михайловна Татищева (умерла в 1702 году). Шесть Салтыковых были боярами и занимали важные должности при дворе царей Ивана и Петра; один из них убит по ошибке стрельцами 15 мая 1682 года, и пятнадцать из членов этой фамилии владели в то время в России большими населенными имениями.

Семейные связи новой царицы были весьма значительны: так, при посредстве браков своих дядей, также родного и двоюродных братьев, она была в родстве с Трубецкими, Прозоровскими, Стрешневыми, Куракиными, Долгорукими и др. Родная сестра ее, Настасья, вышла впоследствии замуж за знаменитого князя-кесаря Федора Юрьевича Ромодановского.¹

Все эти связи чрезвычайно важны в биографии Прасковьи: они служат разъяснением того значения и почта, какими зачастую, если не всегда, пользовалась Прасковья при дворе Петра; ее же родством объясняются многие события, с которыми мы не раз встретимся в нашем рассказе.

Много говорить о воспитании царицы Прасковьи нам не приходится; то не было воспитание, а питание: ее выкормили полною, статною, с высокою грудью, открытым лицом и длинною косою; затем выучили довольно плохо русской грамоте (она и впоследствии, как мы увидим, не была мастерица писать); остальное же довершили семейные предания и обычаи. Она выросла в предрассудках и суеверии; верила колдунам, чудесам, вещунам и строго выполняла пустые обряды, не вникая в их сущность и значение.

Идя по стопам своих предков и многочисленной родни, царица старательно выполняла обрядовую сторону религии: некоторые из ее родных постригались в монахи, умирали схимниками – и вот Прасковья очень чтит духовенство, дружилась с монахами, вела переписку с некоторыми митрополитами, ездила к ним и рассылала подарки. С выходом замуж жизнь ее пошла обычной колеей: вместе с державным супругом она выполняла церковные требы, не пропускала ни одной службы, посещала монастыри, делала вклады, участвовала в крестных ходах, раздавала милостыню нищей братии и колодникам.

¹ Ромодановский Федор Юрьевич (ок. 1640–1717) – князь-кесарь, государственный деятель, сподвижник Петра I. В 1686–1717 гг. глава Преображенского приказа.

Жили царь и царица в особых теремах в Кремле, выстроенных уже при царевне Софии Алексеевне. Жизнь царицы Прасковьи за то время, конечно, не отличалась от обыденной жизни ее предшественниц-цариц и ее современницы, царицы Марфы Алексеевны (вдова царя Федора). Торжественные приемы у царицы назначались только в немногие годовые праздники или по случаю особых семейных событий.

В обыкновенные праздничные дни к царице являлись одни родственники обоего пола и боярыни, по вызову или с собственными просьбами. Боярыни выходили у ворот и, подходя к царицыным покоем, посылали своих боярских боярынь объявить о приезде дворовой боярыне, которая и докладывала о них. Посещение обыкновенно ограничивалось расспросами о здоровье и разными приветствиями; затем боярыни возвращались восвояси. Иногда царица принимала и крестьянок, по крайней мере, из своих дворцовых вотчин.

Делами царица не занималась подобно боярыням; на то был приказной чин царицы из ее близких людей, который также разбирал ссоры между дворцовыми служителями, сажал их в монастырь за провинности: кражу, пьянство и т. п.

Царица занималась только своим «женским» делом, пересматривала полотна, скатерти и другие вещи, доставляемые из слобод, работавших на дворец; заведовала рукоделиями своих мастериц в светлицах, где производились всякие работы, даже шились куклы царским детям. Нередко и сама царица вышивала золотом и шелками в церкви и монастыре, изготовляла некоторые предметы из платья себе, государю и детям: ожерелья, воротники, сорочки, полотенца.

Но главную и неизменную задачей жизни царицы была молитва и милостыня во всех видах и формах, по правилу того времени: «церковников и нищих и маломощных, бедных, скорбных и странных пришельцев призывай в дом свой и по силе накорми, напои и согрей». Царица подавала щедрую милостыню на монастыри и церкви во время своих богомольных выходов. Церковное поминовение усопших царственных родственников сопровождалось кормлением духовного чина и нищих; последние собирались к царским хоромам во все поминальные дни. Кроме нищих множество бедных женщин обращались к царице с челобитными о своих нуждах, подавая их в праздники или именины которого-нибудь из членов царской семьи. Во дворце жило много девочек-сирот, которые принимались по просьбе верховных боярынь или по желанию самой царицы. К концу XVII века и на женской половине дворца появились свои верховные богомолицы: вдовы, старухи и девицы. Они жили в подклетьях² у царицы Прасковьи Федоровны и у царевен, подле их хором, и, по-видимому, исполняли должности сказочниц.

Между ними были юродивые, помешанные и калеки всякого рода: немые, слепые, безрукие, безногие. Расположение ко всяким уродам, обычное в то время, особенно резко проявляется в Прасковье Федоровне; склонность эту сохранила она во всю свою жизнь. Верховные богомолицы ходили в смиренных (темных) платьях, как бы в противоположность пестрой одежде шутов и шутих – карлов и карлиц, разряженных в платье ярких цветов, в красных и желтых сапогах и ермолках.

Рядом с карлами и карлицами во дворце проживали арапы, арапки, маленькие калмыки и калмычки, взятые в полон. Их держали во дворце наравне с обезьянами, попугаями и др. чудами. Кроме попугаев, неизменно принадлежностью дворца были всякого рода птицы: соловьи, канарейки, щеглы, перепела. В 1684 году для Прасковьи Федоровны была даже заказана особая клетка для перепелов. Дворец с утра до вечера оглашался пением разнообразных птиц, криками попугаев; к вечеру умолкали птицы, и в тишине слышалось заунывное пение нищих богомольцев или мерный рассказ сказки, прерываемый выходками дураков и дураков, возбуждавшими громкий смех невзыскательных слушателей. Наскучив этими забавами, царица иногда принималась за карты или заставляла себя качать на домовых качелях.

² Подклеть (подклет) – нежилой нижний этаж дома, обычно использовавшийся в качестве кладовой или для зимовки скота.

Качель обыкновенно устраивалась к святой; она была веревочная, обшитая бархатом или атласом, с ватным сиденьем, также обтянутым бархатом. В апреле 1686 года для Прасковьи Федоровны сделаны три таких качели. На масленице устраивались скатные горы, где увеселялись царевны с боярышнями. Царицы только смотрели на эту забаву, равно как и на игры в сенях женской половины дворца. Немало удовольствия доставляли царицам и зрелища другого рода, как, например, церковные церемонии, царские обеды, выезды послов, привозимые и приводимые «чуда»: заморские животные, ученые медведи и т. п. На эти зрелища царицы, царевны и малолетние царевичи смотрели из окон Кремля или из «тайника», устроенного в Грановитой палате, где происходили главные дворцовые торжества. Тайником была комната с большим окном, обращенным в палату, в которое была вставлена решетка. На театральные представления царицы также смотрели сквозь решетку. «Во время представления, – говорит Рейтенфельс, – царь сидел перед сценою на скамейке, а для цариц с детьми был устроен род ложи, из которой они смотрели из-за решетки или, правильнее сказать, сквозь щели досок».

Жила царица с мужем, по обычаю, в разных покоях порознь.

«И на праздники господские, и в воскресные дни, и в посты, – повествует Котошихин,³ — царь и царица опочивают в покоях порознь; а когда случится быти опочивать им вместе, и в то время царь посылает по царицу, велит быть к себе спать или сам к ней похочет быть. А которую ночь опочивают вместе, и на утро ходят в мыльню порознь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в нечистоту и в грех...»

Нет сомнения, что все это выполняли царь и царица, – но детей не было... Прошло пять лет брачной жизни, и во все это время только раз мелькнула у Прасковьи мысль, что она беременна: сама она потом рассказывала: «При царе Иване пучило у меня живот с год и я чаяла себя весь год брюхата, да так и изошло...»

Однако ж в конце 1688 года для всего двора сделалось известно, что царица Прасковья «очреватела». Немощный царь был счастлив, довольна была Софья; негодовали одни родные и мать Петра, видевшие в этой беременности следствие интриг и козней правительницы. Проникая в ее замыслы, Наталья Кирилловна убедила сына вступить в брак; 27 января 1689 года Петр обвенчался с Авдотьей Федоровной Лопухиной. 21 марта того же года, в четверг ночью, царица Прасковья разрешилась от бремени – дочерью. Рано утром благовест Успенского колокола возвестил Москве о приращении царственного семейства; власти съехались, пришел царь – и патриарх отслужил молебен.

В понедельник, 25 марта, новорожденная окрещена в Чудове монастыре именем Марии; службу совершал патриарх; восприемниками были царь Петр и тетка его, Татьяна Михайловна.

Последний факт, как, по-видимому, ни незначителен он, однако возбуждает вопрос: почему восприемницей не была Софья Алексеевна? Была ли она недовольна рождением племянницы вместо племянника, или Прасковья, не лишенная природного ума и прозорливости, провидев будущую участь правительницы, заискивала в Петре и в уважаемой им тетке?

Впрочем, за столом ради рождения Марии в четверг, 18 апреля, в Грановитой палате вместе с патриархом, царем Иваном и другими была Софья; сидели по чину, слушали чтение патриаршего канархиста, а после стола, «отдействовав Пречистую, пили заздравные чаши».

С этого времени не проходило почти года, чтоб царица Прасковья не радовала мужа рождением дочери. Таким образом, 4 июня 1690 года родилась другая царевна; 20-го числа ее крестил именем Федосьи архимандрит Чудова монастыря; восприемниками были Петр и царевна Татьяна, но на обеденном кушаньи ради рождения, 4 июля, был только один царь Иван и пил заздравную чашу с духовенством.

³ Котошихин Григорий Карпович (ок. 1630–1667) – подьячий Посольского приказа, автор «О России в царствование Алексея Михайловича».

29 октября 1691 года, рано поутру, Прасковья родила новую царевну; с радостною вестью поспешил к патриарху боярин Федор Петрович Салтыков; святейший, после благовесту, служил литургию и дарил посланного. Во втором часу пополудни приехал из Преображенского Петр, и государи многолетие пели и знаменовались. 8 ноября прежние восприемники были при крещении царевны Катерины в Чудовом монастыре, а два дня спустя был по этому случаю радостный стол.

28 января 1693 года родилась царевна Анна; в следующем 1694 году, 24 сентября, царица разрешилась последнею дочерью: то была царевна Прасковья.

Такая плодovitость благоверной супруги радовала Ивана Алексеевича; но родительское сердце больного претерпевало также и утраты: из пяти дочерей он скоро лишился двух старших, Марьи и Федосьи (умерли 13 февраля 1690 года и 12 мая 1691 года). При совершении погребальных обрядов в Вознесенском монастыре присутствовали отец и мать.

Супруги и после падения Софьи не играли никакой роли в управлении Россией: Иван – по скорби главы, Прасковья – по ежегодной беременности, ни мало не мешались в дела, которыми управляли от имени юного еще Петра его родственники и советники, как русские, так и иноземцы. За Иваном оставался только один титул; имя его упоминалось во всех актах государственных; он имел свой двор, своих царедворцев, являлся народу в торжественных случаях в полном царском облачении, наконец, участвовал в торжественных приемах послов либо в церковных празднествах. Нельзя согласиться с Устряловым⁴ в том, что «Петр нежно любил и глубоко уважал своего брата».

По крайней мере, письма Петра к Ивану ничего не заключают в себе особенно нежного: эти письма не более как обыкновенные родственные послания, кроме, впрочем, одного, в котором Петр требует устранить от правления «засорное лицо» – Софью.

Что Петр не заявлял брату глубокого уважения, видно уже из того, что при крещении обоих сыновей – Алексея Петровича (23 февраля 1690 года) и Александра Петровича (1 ноября 1692 года) Иван Алексеевич не был приглашен в восприемники. В первый раз был восприемником патриарх Иоаким с царевной Татьяной Михайловной, а во второй – келарь Троицкой лавры с царевной Натальей.

Между тем ежегодное рождение дочерей у царицы Прасковьи вовсе не доказывало, что здоровье ее мужа оправилось; напротив, в 1696 году царь Иван, достигая тридцатилетнего возраста, хотя не обнаруживал признаков смертельной болезни, но уже таил ее в своей груди. 6 января он ходил в торжественном облачении за крестами из Успенского собора на иордань, устроенную на Москве-реке; день был чрезвычайно теплый, совершенно весенний, был дождь и молния; царь был с непокрытой головой, промочил ноги и сильно простудился. 21 января Иван был в Вознесенском девичьем монастыре на панихиде по царице Наталье Кирилловне; 26 января, в день именин сестры своей, царевны Марии Алексеевны, слушал обедню в дворцовой церкви Иоанна Предтечи; по окончании службы принимал в передней палате обычные поздравления, жаловал ближних людей фряжскими винами,⁵ а стрелецких полковников и гостей водкою, а через три дня его уже не стало: он умер скоропостижно 29 января 1696 года, в третьем часу пополудни.

После обычной торжественной церемонии на другой же день тело царя Ивана Алексеевича было отнесено в собор Михаила Архангела;⁶ в течение шести недель каждый день по десяти царедворцев охраняли гробницу. Ивана похоронили подле царя Федора, позади первого столба на левой стороне; гробницу покрыли богатым покровом.

⁴ Устрялов Николай Герасимович (1805–1870) – русский историк, профессор, автор «Русской истории».

⁵ Фряжские вина – т. е. итальянские вина (на Руси издавна «фряжинами», «фрягами» называли итальянцев).

⁶ Собор Михаила Архангела – Архангельский собор Московского Кремля.

Овдовевшая царица пять дней сряду кормила 300 нищих, угощала духовенство, делала вклады в церкви.

В скором времени новый удар поразил Прасковью: потеряв мужа, она лишилась и отца. Федор Салтыков скончался 2 февраля 1697 года.

II. Жизнь в Москве, селе Измайлове и переселение в С.-Петербург

Прасковья осталась с тремя малютками, но особых печалей и забот ей не предстояло много. Петр оказывал невестке уважение, выполнял ее просьбы; для управления хозяйством и для удовлетворения ее нужд отдал в полное распоряжение Василия Алексеевича Юшкова и предоставил выбрать место жительства. Невестка выбрала своею резиденциею село Измайлово.

Измайлово, принадлежавшее, по-видимому, Ивану Никитичу Романову в 1640-х годах, перешло затем к царствующей линии дома Романовых. Так, в 1663 году царь Алексей Михайлович уже вполне распоряжается в селе Измайлове, пользуясь своим двояким значением царя и вотчинника.

Он переводит в Измайлово и в прилежащие к нему пустоши крестьян из других дворцовых вотчин; заводит хозяйство в таких огромных размерах, что требующиеся на него издержки едва ли могли быть покрыты доходами какого бы то ни было частного лица в то время, когда собственность, главным образом, состояла из недвижимого имущества и запасов и всего менее в деньгах. Для пашен и сенокосов расчищено было в Измайлове несколько сот десятин лесу; построены смотрильные башни для наблюдения за рабочими, число которых впоследствии было очень значительно, так во время жатвы одних наемных жнецов набиралось до 700 человек. Кроме того, в Измайлове заведено было обширное садоводство, пчеловодство и хмелеводство; насажена роща на 115 десятин; реки и ручейки запружены плотинами и выстроено семь мукомольных мельниц. Тогда же было выкопано до 20 прудов, поставлены каменные риги и токи, льняной и стеклянный заводы, разные дворы, амбары и прочие хозяйственные постройки.

С другой стороны, царь Алексей Михайлович, по своему личному отношению к селу Измайлову, является вполне помещиком. В его заботливости об успехах измайловского хозяйства нельзя не видеть интереса собственника к своему поместью: он лично присутствует при полевых работах, следит за постройками, входит в малейшие подробности. Царица заведует лично женскими работами и, главным образом, льняным делом, осматривает при случае птичий и запасные дворы и погреба. Царь Алексей Михайлович прилагал всевозможные заботы к улучшению своего хозяйства в Измайлове. Выписаны были русские и иностранные мастера, специалисты своего дела: льняники из Пскова, черкасы – для скотного двора, садовники-иностранцы, пасечники, разные механики, «мастера зеленого стекла» и пр. Даже сделаны были попытки производить некоторые работы посредством машин. В 1666 году, 17 июня, велено, например, сделать три образца: 1) «как молотить колесами и гирями без воды»; 2) «как воду привезть из пруда к виноградному саду»; 3) «как воду выливать из риг гирями ж и колесы». Рядом с машинами и выпиской мастеров прибегали и к другим средствам: к дням ярового и ржаного посева государь выписывал из Троицы и Савина монастыря «освященное масло», «святую и омовенную воду» для окропления и освящения засеваемых полей. При этом соблюдалась тайна; в грамоте, посылаемой в Троицкий монастырь, говорилось, между прочим: «И ты бы богомолец нам сотворил и прислал тайно, никому же поведавшие сию тайну, священного масла великого четвертка в сосуде, и воды с ног больничных братий, умыв сам тайно, и воды из колодезя Сергия три ведра, отпев молебен у колодезя, за своею печатью».

И не вотще трудился Алексей Михайлович: в царских житницах в Измайлове бывало до 27 000 четвертей хлеба; в Ригу посылали на продажу до 200 берковцев⁷ льну; кроме того,

⁷ ...берковцев льну... – старинная русская мера массы (веса): 1 берковец равнялся 10 пудам, или 163,8 кг.

Измайлово давало ежегодно от 500 до 800 пудов хмеля, до 179 пудов меда и почти столько же воску, не говоря уже о разных стеклянных изделиях, массе плодов и овощей, доставляемых во дворец; лечебных травах и кореньях, посылаемых в Аптекарский приказ, и т. п.

В Измайлове царь Алексей Михайлович жил только летом; с ним приезжала и вся царская семья. Первые царские хоромы были поставлены здесь около 1663 года на острове. Дворец первоначально не был особенно обширен; он состоял из хором, подклетов и верхних «житей»; вся постройка его была как бы сборная, соединенная крытыми переходами и лестницами. Тут были отдельные помещения для государя, царицы, царевичей, больших царевен и меньших царевен. Кругом всех нижних хором шли перила, по перилам баляски точеные. Все хоромы были деревянные, покрытые тесом; у крылец верхи шатровые, «крытые тесом скалою по чешуйному обиванию». К дворцу примыкала каменная двухэтажная церковь; в верхнюю церковь св. Иосафа из царских хором вели брусные переходы и здесь, на хорах, слушали службу царицы и царевны. На острове была еще одна церковь во имя Покрова Пр. Богородицы о пяти главах, крытая гонтом, с высокими крыльцами; она обнесена была каменной оградой; возле нее возвышалась башня с тремя проезжими воротами; отсюда шел каменный мост через Измайловский пруд в 50 саженей длиною.

Царский дворец издали казался окруженным зеленью, так как перед ним была огромная роща с высокими, хотя редкими, деревьями и тенистым кустарником, который широко раскидывал свои ветви, иногда застилая собою дорожки. С западной стороны дворца находился зверинец, представлявший собою, по словам Рейтенфельса, тот же лес, обнесенный забором, где между разными диковинами показывали лосей, оленей, кабанов, дикобразов, разных пушных и диких зверей. К зверинцу примыкал птичий двор, где водились лебеди, гуси, павлины английские, куры, утки и разные редкие птицы. Рев зверей и крики разнообразных птиц, без сомнения, были слышны дворцовым обитателям.

Внутреннее убранство Измайловского дворца было проще, чем в других загородных дворцах и даже в некоторых боярских и помещичьих домах: все двери в царских хорах были обтянуты красным сукном и с лужеными петлями, в окнах окончины слюдяные, везде печи изразцовые, круглые, расписанные разными красками, полы мощенные дубовым кирпичом. Кроме столов и стульев почти не было никакой другой мебели. Нигде не было видно и следа роскоши; все внимание обращено на многочисленные хозяйственные заведения, которые отличались наилучшим порядком. Они составляли гордость хозяйства села Измайловского, и их прежде всего показывали иностранцам. Так, в описании посещения села Измайлова польским послом Яном Гнинским, 27 января 1672 года, внимание иностранных гостей прежде всего старались обратить на стоявшее перед селом «гумно царского величества изрядным зело расположением», на хлеб, в скирдах «ровнехонько» уложенный; затем приказчик показывал им мельницы, плотину, житницы, построенные одна возле другой, наполненные хлебом и окопанные канавой. Хоромное строение и церковь послы видели только издали; сады и огороды не могли быть осмотрены ими по зимнему времени года.

Между тем измайловские сады и огороды стоили того, чтобы познакомиться с ними. Так называемый «виноградный» сад занимал в окружности 800 саженей; в нем росли сотни яблонь, груши, сливы, грецкие орехи; ягодные кустарники занимали сотни саженей; между ними красовались пионии и другие цветы. «Просяной» сад имел в окружности 138 саженей, тут был огород, где садили дыни, огурцы, капусту и всякие летние овощи; разводили цветы, семена трав, аптекарские растения. Вдоль по берегу реки Серебровки простирался на 33 саженях «регулярный» сад, следы которого остались до настоящего времени в виде кустарников шиповника, барбариса, крыжовника и пр.

Обширное измайловское хозяйство находилось, главным образом, в ведении приказчика и ключника. В приказной Измайловской избе хранилась денежная казна и книги «кредит-риводные Измайловской волости крестьянам и всяких чинов людям», указные памяти

о всяких делах, челобитные, росписи, выборы на старост и целовальников, поручные записи, книги, тетради, столпы умолютные, приходные, расходные, продажные, столпики посевные, ужинные, укосные, росписи, «что изволил великий государь взять из села Измайлова».

Приказчик жил обыкновенно на съезде двора, огороженном забором. Не легко было его управление и других начальственных лиц крестьянами, переселенными в измайловские слободы из разных мест. Тяжелые работы, строгие взыскания и всякого рода притеснения, обычные в России во все времена по отношению к простонародью, заставляли измайловских крестьян искать спасения в бегстве. После смерти Алексея Михайловича оказалось из составленного в то время доклада, что из 664 крестьянских семейств, переселенных в Измайлово, 481 двор в бегах, а «которые крестьяне в остаток» 183 двора и те «наготове бежать, мало не все».

От Алексея Михайловича село Измайлово перешло в полное владение старшего его сына, царя Федора. Хозяйство шло при нем тем же порядком. Время от времени царь приезжал со своим двором в Измайлово, указывал «поить» всяких чинов людей и боярских слуг, угощал бояр и стольников; по-прежнему Измайлово поставляло во дворец всякие запасы, живность, напитки, овощи, стеклянные изделия. При царе Федоре произошли, однако, некоторые перемены в Измайлове: переделан был дворец, построены и исправлены разные служебные и хозяйственные здания и по углам двора около царских хором поставлены четыре каменные башни.

Постройки, переделки и исправления продолжались и тогда, когда собственником Измайловской вотчины стал считаться царь Иван Алексеевич, оставшийся старшим после Федора. К этому времени относятся подробные описи села Измайлова, сделанные по приказу обоих царей, Ивана и Петра, и царевны Софьи; именем же трех царских особ и наказом из приказа Большого дворца производились тогда перемены в составе лиц, заведовавших хозяйством в селе Измайлове.

Богатое село Измайлово, по-видимому, вовсе не было отдано ни во владение, ни в пожизненное пользование вдове Ивана, царице Прасковье Федоровне, – в ее собственность перешел один дворец. Петр, водворявший порядок в дворцовом хозяйстве, расстроенном при Софье, благодаря бесцеремонному обращению членов царской семьи с казной, назначил всем им, и в том числе Прасковье Федоровне, известный оклад содержания деньгами и запасами, что вряд ли оказывалось нужным, если бы царица владела на полном праве богатым селом и вотчиною Измайловом.

В подтверждение того, что Прасковья Федоровна была на том же положении, как и остальные члены царской семьи, считаем необходимым привести некоторые несомненные, хотя и отрывочные, данные. Так, из приходно-расходных книг приказа Большого дворца 1701 года мы узнаём следующее: «У комнаты великия государыни царицы Марфы Матвеевны (вдовы царя Федора) – 9 стоялых, 21 подъемных, итого 30 лошадей; на корм им по окладу 330 чети овса, 75 копен мерных сена, 275 возов без чети воза соломы ржаной».

Столько же значится у тетки царя, Татьяны Михайловны, только вместо 330 чети овса ей отпускалось всего 304.

«У великия государыни царицы Прасковьи Федоровны 24 стоялых, 56 подъемных, итого 80 лошадей; на корм им: стоялым в год, подъемным на 7 месяцев 880 чети овса, 200 копен мерных сена; на подстилку 732 воза соломы ржаной».

Сравнительно большие цифры объяснить можно и тем, что у царицы Прасковьи были три дочери, которые приняты в расчет при назначении оклада. Хлопотала об этом и сама царица, как видно из одного донесения провинциал-фискала Терского в октябре 1722 года». «Уведомился я, – писал Терский, – что государыня царица Прасковья Федоровна просила в сенате, чтоб на комнату ее величества с царевнами учинить оклад против окладу, каков учинен был в комнате царевны Натальи Алексеевны».

У царевны Натальи Алексеевны: «14 стоялых, 28 подъемных, итого 42 лошади; на корм им: 476 чети овса, 107 копен с третью мерных сена, на подстилки 407 возов с полувозом соломы ржаной».

Затем из бумаг приказа Большой казны того же 1701 года мы узнаём, что «к великим государыням царицам (след. Марфе Матвеевне и Прасковье Федоровне) и царевнам, по указанным статьям, в 10 комнат по 2000 р. в комнату, и на 1701 год к прежним взносам в 20 000 рублей, к 10 000 рублей, отпущено 10 000; на 1702 год – 15 000, итого 25 000 рублей».

Почти столько же получала царица Прасковья Федоровна и в последующие годы, хотя сумма не всегда была одинакова. Из дела казначея царицы Деревнина оказывается, что в приходе взято для нее из Большой казны «окладных» на 1715 год 18 320 руб.; на 1716 год – 24 066 руб. 9 алт. 4 ден.; на 1717 год – 12 600 руб.; на 1718 год – 32 915 руб.

В перечне певчих и крестовых дьяконов царских особ значатся певчие царицы Прасковьи Федоровны, и им наравне с прочими отпускатось содержание из приказа Большого дворца.

Наконец, мы видим, что между селом Измайловым и другими «дворцовыми» селами, по крайней мере в 1701 году, не делается различия. Разным служителям и нижним чинам села Измайлова отпущены деньги наравне со служителями села Воробьева, Преображенского и др.

Кроме царского оклада, царица Прасковья Федоровна получала еще доходы со своих вотчин деньгами и запасами. Вотчины эти находились в разных волостях Новгородского, Псковского и Копорского уездов, также на Ставропольской сотне, так что во владении ее находилось 2477 посадских и крестьянских дворов. По всему вероятно, цифра эта далеко не выражает полного числа дворов, принадлежавших царице, но мы не имеем пока сведений о них. Известно только, что в ее владении находились еще довольно значительные нижегородские имения. Вотчины царицы Прасковьи находились во владении старост и целовальников, как видно из челобитной, поданной царице крестьянами Осеченской волости в 1711 году, где они жалуются ей на претерпеваемые ими притеснения.

Всем дворцовым хозяйством царицы обыкновенно управлял Постельный (комнатный, кабинетный) приказ государыни царицы. Его составляли, собственно, только два лица: царицын дворецкий, стоявший во главе ведомства, и дьяк. Первый бывал, обыкновенно, близкий человек по родству или по старой испытанной службе. Правую руку дворцового был дьяк, на обязанности которого лежала вся письменная часть и все делопроизводство; то был как бы главный секретарь царицы, производитель всякого ее приказа и всякого назначения и распоряжения.

Именно таких двух лиц мы и встречаем при дворе Прасковьи Федоровны. Должность дворцового, по-видимому, исполнял ее родной брат Василий Федорович Салтыков, приставленный к ней Петром в 1690 году. Мы его часто встречаем в Измайлове; она советуется с ним о всех домашних делах, дает ему различные поручения. Другим близким человеком царицы Прасковьи был стольник Василий Алексеевич Юшков, определенный по именному указу царя к комнате Прасковьи Федоровны и детям ее в 1701 году.

Юшков начал свою службу при дворе царя Ивана Алексеевича, когда ему было не более 13 лет от роду; затем он был записан в Семеновский полк и находился в походах в Азов, под Керчью и в первом Нарвском походе 1700 года. В этом же году Василий Юшков получил от отца своего, Алексея Александровича Юшкова, многие поместья и вотчины в разных уездах. Отец передал сыну почти все свое недвижимое имущество с обязательством «ему, Василию, его, Алексея, поить и кормить, обувать и одевать и почитать, а будет он, Алексей, те свои поместья похочет поворотить и ему, Алексею, поворотить вольно и чтоб повелено было те его поместья за ним, сыном его, справить».

Таким образом, Василий Юшков поступил ко двору Прасковьи Федоровны уже богатым человеком. Благоволила к нему царица и со своей стороны дарила деньгами, драгоценными камнями и даже деревнями, как мы увидим ниже. Между тем отец Юшкова, наскучив

вдовством, вступил во второй брак с молодой вдовой Вельяминовой и потребовал обратно от сына Василия уступленные ему вотчины и поместья. От этой беды спасла своего любимца царица Прасковья. По всесильному ходатайству ее, отца Юшкова задобрили чином окольничьего, которым он был пожалован именным указом сенату 14 ноября 1711 года. И действительно, старик после этого уже не поминал о возврате ему вотчины и поместий.

Кроме Салтыкова и Юшкова мы встречаем в Измайловском при дворе вдовы царицы многочисленный мужской чин, хотя, разумеется, далеко не такой, как прежде, так как в год смерти царя Ивана одних стольников числилось у царицы Прасковьи 263 чел. Теперь не позволяли этого и денежные средства. Тем не менее царица, сообразно своему сану, все еще держала ключника, подключника, подьячих, стряпчих, конюхов, сторожей, истопников и всяких служителей. Женский царицын чин был, разумеется, еще многочисленнее.

Помимо всей этой нужной и ненужной челяди царица, удовлетворяя своему личному вкусу, усвоенному с детства, окружала себя целой толпой дармоедов другого рода: нищие богомольцы и богомолицы, ханжи, гадальщицы, всякие калеки, уроды, до того скромно проживавшие в подклетьях ее Кремлевских хором и являвшиеся только по зову, теперь свободно разгуливали по Измайловскому дворцу в своих грязных изодранных рубищах, выставя напоказ свои увечья и раны, гнусливо тянули свои песни, плясали, проделывали разные шутки. Только при посещении Петра, не терпевшего этих остатков старины, они прятались в дальние чуланы. Число их было так велико, что Татищев, не раз лично посещавший Прасковью Федоровну, говорит, что двор царицы от набожности был госпиталь для уродов, юродов, ханжей и шалунов. Из них наибольшим уважением царицы пользовался полупомешанный подьячий Тимофей Архипович, выдававший себя за святого и пророка. Некогда он занимался иконописанием, но потом бросил, стал «юродствовать миру» – и прожил при дворе Прасковьи Федоровны 28 лет. Прасковья Федоровна вместе со своим другом, боярыней Настасьей Александровной Нарышкиной, поручала ему раздачу милостыни и другие благочестивые дела. «Меня, – рассказывает Татищев, – Тимофей Архипыч не любил за то, что я не был суеверен и руки его не целовал. Однажды, перед отъездом в Сибирь, я приехал проститься с царицей; она, жалую меня, спросила одного шалуна: скоро ли я возвращусь? Он ответил на это: „Руды много накопишь, да и самого закопают“.

Пророчество это, однако, не исполнилось.

Рассказывали потом, будто Тимофей Архипович предрек царевне Анне Ивановне ее дальнейшую судьбу.

Прасковья Федоровна верила каждому слову Тимофея Архипыча и считала себя счастливою, что такой святой человек удостоивает жить в ее доме. Благочестие и обычай побуждали ее также держать у себя вдов и сирот, давать приют странникам; делать через стольника своего Юшкова подарки духовенству и церковные вклады.

Такого рода расходы и содержание многочисленной челяди, разумеется, не могли способствовать порядку в делах Прасковьи Федоровны. Вдобавок ее обкрадывали самым бессовестным образом; крали у ней во дворце, благодаря недосмотру ее любимца Юшкова; крали и доверенные лица, которым она поручала сбор доходов со своих имений. Из них особенно выдаются Аргамаковы, отец и сын, на которых лежала обязанность собирать доходы с нижегородских имений царицы и вести приходно-расходные книги. После нескольких лет их управления в книгах замечено было до 300 подчисток: убавлены в чистовых книгах приходы денег и хлеба, также и в черновых книгах многие статьи вычернены, денег и хлеба убавлено; в среднем числе, как калялись впоследствии сами Аргамаковы, они клали в свой карман из сотни по рублю и более.

Из вышеупомянутой челобитной крестьян Осеченской волости мы узнаём, что старосты и целовальники неизвестно куда девали мирские деньги. Крестьяне писали царице: «Выборной мирской целовальник Григорей Иванов збирал с нас с Корелян со всей Осеченской волости,

и с Воскресенского погосту всякие денежные многие поборы; и тех денег он, целовальник, собрал 1500 рублей, и в тех в многих зборных мирских деньгах он, целовальник, по приходным и по расходным книгам отчет нам в мир не дает; также того ж году (1711) староста Софрон Анофреев в подводах и в работных людех в мир ведомости не дает же, стакався они за одно... и з горланами и з ябедниками, а куды они такие большие деньги девали, про то мы, мирские люди, не ведаем».

Не ведала зачастую и сама Прасковья Федоровна, куда девались ее деньги и все ли запасы доставлялись из деревень к ее двору. Она большею частью довольствовалась тем, что делала те или другие письменные распоряжения; вообще она писала письма в большом количестве и, по-видимому, охотно, не стесняясь своею сравнительною безграмотностью. Затем она проводила большую часть дня все-таки в полной праздности, занимаясь главным образом исполнением обрядов, мало обращая внимания на безурядицу и грязь, которые царили в ее доме. По известиям иностранцев, кушанья за обедом царицы Прасковьи бывали дурно приготовлены, заправлены большею частью, по русскому обычаю, маслом из грецких орехов или льняного семени (конечно, в посту) и подавались кое-как, но зато кушаньев было много и в изобилии. Кроме рыбы, мяса, разных холодных и горячих блюд, блинов и пирогов, неизбежною принадлежностью ее стола, как и всех достаточных людей того времени, были орехи, ягоды, яблоки, дыни сырые, моченые и вареные в меду. Являлись гости, царица Прасковья принимала их приветливо, угощала пивом и медами и сама подносила вино в золоченых рюмках или поручала своим дочерям. Гости бывали у нее часто. Весною и летом живали, а зимою наезжали все члены царской семьи. Царица Евдокия праздновала в Измайлове дни рождения и именины своего супруга, царя Петра Алексеевича, ставила крестьянам пиво и вино, подавала нищим милостыню. Особенно хорошо бывало Измайлово летом, когда в окна теремов заглядывала зелень и свежий воздух вносил прохладу в низенькие царские хоромы, запертые наглухо целую зиму. Выходили тогда царицы и царевны в сад, подолгу гуляли, посещали иногда для развлечения хозяйственные заведения села Измайлова, кормили рыбу в прудах, сзывая ее на корм по колокольчику. В праздники собирались хороводы перед дворцом; царевны раздавали крестьянкам пряники, куски маковой избойни и серебряные копеечки.

Из всех приведенных подробностей видно, что царица Прасковья Федоровна жила в Измайлове вполне зажиточною помещицей: у нее под рукой было все, что нужно для самого обширного хозяйства; всевозможные ремесленники, мастера, повара, громадный штат прислуги были к ее услугам. Царица правила, распоряжалась, судила и рядила, миловала и карала, принимала гостей, угощала их, и жизнь текла в довольстве, сытно и тепло, вполне соответственно развитию и потребностям измайловских обитательниц.

За царевнами ухаживало множество мамушек и нянек; они гуляли с ними в тенистых садах, посещали хозяйственные заведения, стеклянный завод, славный своими изделиями; молились по церквам, забавлялись на прудах, которых насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда щук и стерлядей с золотыми сережками и сзывали рыбу на корм по колокольчику. Подрастая, они привыкали в теремах своих к шитью и вышиванию шелком и золотом, но рукоделье не далось им; по крайней мере, нет известий, чтоб какая-нибудь из трех сестер сделалась искусницей в этом деле.

Светлая сторона жизни матери-помещицы ярко рисуется перед нами; но она не помешает нам перевернуть медаль – заглянуть и на черную сторону того же патриархального быта, где самоуправство и жестокость клали столь густые тени и не на такие лица, какова была Прасковья Федоровна.

Но эту сторону характера мы еще увидим, а теперь нельзя не отдать справедливости особенному такту царицы принаравливаясь к обстоятельствам. Являя приверженность к старине, она в то же время умела угодить царю Петру. Она не входила в сношения с нелюбезными ему сестрами, неосторожно судившими и осуждавшими Петра и его сторонников. Имея возмож-

ность часто навещать заключенную царевну Софью, Прасковья уклонялась от этих свиданий и не входила ни в какие козни.

Казни стрельцов и грозная опала, поразившая царских сестер в октябре 1698 года, еще более сделали царицу осторожной в отношении к петровским реформам; не отрешаясь вполне от святой для нее старины, она в то же время делала ряд уступок требованиям нового времени, и делала это не по принуждению, а единственно из желания сохранить расположение монарха. Так, мы у нее рано встречаем гостей иностранцев. Подобно царицам, своим предшественницам, она любит в 1697 году на въезд посольства римского императора в Кремль из окон дворца, а в 1698 году имперский посол посещает ее со свитой в Измайлове. Царица-помещица весьма радушно принимает иноземцев. «За послом, – описывает этот визит его секретарь Корб, – следовали музыканты, чтобы гармоническую мелодию своих инструментов соединить с тихим шелестом ветра, который медленно стекает с вершины деревьев. Царицы, царевич и незамужние царевны, желая немного оживить свою спокойную жизнь, которую ведут они в этом волшебном убежище, часто выходят на прогулку в рощу и любят гулять по тропинкам, где терновник распустил свои коварные ветви. Случилось, что августейшие особы гуляли, когда вдруг до их слуха долетели приятные звуки труб и флейт; они остановились, хотя возвращались уже во дворец. Музыканты, видя, что их слушают, стали играть еще приятнее. Особы царской крови, с четверть часа слушая симфонию, похвалили искусство всех артистов».

Между тем подрастали дочери царицы Прасковьи. Первоначальное обучение их, вероятно, было вверено одной из так называемых дворцовых «учительниц» или мастериц, на обязанности которых лежало преподавание грамоты малолетним царевнам. Прасковья Федоровна на этот случай уже заблаговременно запаслась книгой. В 1693 году, «по ее изволению и повелению», иеромонах Карион Истомина,⁸ составитель учебников для царевича Алексея Петровича, поднес царице Прасковье второй экземпляр «Букваря славенороссийских писем со образованиями вещей и со нравоучительными стихами», писанный красками и золотом. Букварь этот, по обычаю, перечитывался, конечно, столько раз, что царевны выучили его наизусть.

В чем вообще состояло их обучение, мы можем только приблизительно составить понятие из общего состояния первоначального воспитания в тогдашней России. Изучение русского языка заключалось в чтении и письме и особенно в чтении всякого письма рукописей. Далее полагалось чтение Библии и Нового завета. Хотя грамматика появилась в России очень рано, но правила изучались больше практически, как было удобно учителю; в правописании, прежде всего, требовалось как «ять» с «естем» различать и где какие ударения ставить. Сообщались также кое-какие сведения из истории и географии, но, конечно, в крайне извращенном и отрывочном виде. Каллиграфия заключалась в копировании писанных прописей, состоявших из кратких двуступенчатых нравственного и религиозного содержания. Мы не в состоянии сказать, преподавалась ли целиком вся эта премудрость царевнам или только отчасти, за неимением положительных данных. Одно несомненно, что они воспитывались в «страхе», так как строгость и розга считались первейшими педагогическими средствами. Розге писались панегирики чуть ли не во всех азбуковниках XVII века и даже стихами.

В скором времени при дочерях ее в качестве учителя немецкого языка и гувернера является заезжий немец Иоган-Христофор-Дитрих Остерман, старший брат знаменитого впоследствии кабинет-министра. Но это близкое родство с человеком замечательным не отразилось на уме Иогана-Христофора. Это был немец бездарный, ни к чему не способный. Петр не употребил его к какому-либо важному делу, и даже Андрей Остерман, при всем своем значении, не находил возможным дать ход Иогану. «Старший Остерман, – так отзывались люди, близко знавшие его, – был величайший глупец, что не мешало ему, однако, считать себя человеком с

⁸ Истомина Карион (40-е гг. XV в. — 1717) – иеромонах Чудова монастыря, ученик Симеона Полоцкого.

большими способностями, вследствие чего он всегда говорил загадками. Жил он очень уединенно и не пользовался уважением».

Но он был немец, немец молчаливый, важный, преисполненный сознанием собственного достоинства; немцы были в ходу, немцы были в силе, немцы считались воспитателями наследника престола, и всего этого было достаточно для Прасковьи, чтоб вручить воспитание дочерей Иогану. Насколько в нем было педагогических способностей – Прасковья не могла знать; а Петр, не успевавший приглядеть за обучением собственного сына, не имел времени полюбопытствовать о воспитании племянниц. При них был немец – мать и дядя, а более всего сам наставник, были спокойны и довольны.

Но, кроме немца, для полного развития дочерей необходим был француз, и царица позаботилась принять в 1703 году француза Стефана Рамбурха.

Рамбурху обещано 300 рублѣв в год с тем, чтобы он всех трех царевен «танцу учил и показывал зачало и основание языка французского». За аккуратное вознаграждение учителя поручился Остерман.

Новый наставник, как видно из собственноручных его писем, знал французский язык довольно плохо, но это не мешало ему обучать царевен в течение пяти лет, до 1708 года. «Зачало и основание французского языка» не привилось царевнам: ни одна из них не овладела языком настолько, чтоб писать, даже и объяснялись на нем плохо. Что же касается до танцев, то к ним они оказались положительно неспособными, в особенности царевна Прасковья, с малолетства девушка слабая и болезненная; живее и подвижнее была Катерина.

Кто был виноват в неудачах царевен – они ли сами, попечительная ли мамаша, или учителя, – неизвестно; известно только то, что учителям стараться было не из чего. Рамбурх в течение пяти лет ни разу не получил следуемого жалованья, не увидел его и потом после «долголетних докук царице, царевнам и государю».

Бедному французу было трудно что-нибудь получить от бережливой царицы; только одна ревность к церкви и ее служителям вызывала Прасковью на подарки духовенству и церковные вклады. Таким образом, спальник царицы Юшков, лицо близкое, выбранное царевной Софьей, по поручению госпожи развозил дары святителям: Дмитрию, Ростовскому митрополиту, Иллариону Суздальскому, епископу Ростовскому Досифею и другим.

«Великой государыне, благоверной царице и великой княгине, Прасковье Федоровне, ваш государский богомолец, смиренный Дмитрий, митрополит Ростовский, всесвятото Бога моля, челом бьет.

Во известие тебе, великая государыня, благоверная царица и великая княгиня Прасковья Федоровна, доношу, что октября 18 дня от вашей государской пресветлости спальник Василий Алексеевич Юшков в Ростове вашу государскую милость мне известил и жалованье: преизрядные водки в четырех сосудах стеклянных, именуемых бутылках, и капусту красную три кочана объявил и вручил. Аз же, смиренный, таковую вашу государскую к себе милость и выше именванное жалованье приях, благодарственно и смиренно челом бью. И кушаю во здравие, про ваше государское здравие. И за сие ваше государское милостивое ко мне, богомольцу вашему, жалованье долженствую аз о вашем государском многолетнем здравии премилостивото Господа Бога молити всегда».

Вообще надо сказать, что царица обменивалась письмами со многими представителями именитейшего духовенства; но эти письма ограничивались уведомлением о посылке того или другого гостинца и просьбой благословения и молитв. Иерархи за первое благодарили, благословляли – и обещали молиться. Впрочем, попадаются и в этой корреспонденции письма довольно интересные. Так, например, в 1708 году царица ходатайствовала у Дмитрия Ростовского за одного попа, пособника раскола. Вот что отвечал святитель 9 ноября того же года:

«Изволила ты, государыня, по милости своей милосердствовать о отставном вдовом попе, Давиде, села Курбы, дел его не ведая, чтоб ему прощenu быть и на своем месте жить по-

прежнему. И я, богомолец ваш, вашему царскому величеству о том попе творю известно, что тот поп, уже тому назад прошло годов два, как он от Курбовской церкви отставлен, а священства не отлучен, аще и достоин был отлучения, и велено ему постричься, в коем себе изберет монастыре, понеже грамота государская есть, чтоб вдовых попов постригать; и по той грамоте постричься ему велели. А на его место того же часа поставихом попа иного, иже и до ныне тамо священнодействует без порока. А вдовый поп отставлен по правилам за его неистовство и раскольническое противление церкви нашей православной, и за хуление книг новоисправных, и развращение людей простых в прелесть раскольническую, и за лживые его чудеса, и хуление на чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Тольской, о чем все подробно разыскивали. Был в то время в Ярославле боярин Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, и был при нем тот розыск; сам разыскивал, и обрелся того попа во всем виновность; и велел боярин не держать такового развратника, и святотатца, и хульника. Судивше убо, отставихом его от церкви; обаче милосердствуя о нем, аще и мне много было от него досады: пред многими бо люди хуля мое смиренное имя, нарицал меня еретиком, и римлянином, и неверным, и многими бранями лаятельствуя, обаче все то ему прощая Христа ради моего: иже укоряемый противу неукоряше, и стражда не прещаше. Взирая на незлобие Спаса моего, тому попу простих и священство не запретах, и дал ему волю избрати себе где место в монастыре, в коем либо постричься. А ныне, государыня, когда его паки на прежнее место в село Курбу пустить, то где сего, который ныне тамо служит поп, определить? Однако утешити виноватого, а неповинного плакать заставить праведно ли будет? А к тому и гнева Божия на себе боюсь, егда волка, в одежде овчей суща, пушу в стадо Христово погубляти души людские раскольническими ученьями. Еще же и государева гнева опасаясь, аще грамоте его, государевой, вдовых попов постригать повелевающей, послушен буду. Молю убо, ваше царское благородие, не положите гнева на мя, богомольца своего, что не могу соделати вещи невозможной. Аз же, грешный, на того попа гнева не держу и ащю его, и запрещения ему от меня нет; а принуждения к иночеству ист же, как он себе хочет. Овца, не слушающая пастыря, волку корысть, а я чист от гибели его. Вашему же царскому величеству низко кланяюсь».

Весьма вероятно, что царица ходатайствовала за этого человека под влиянием некоторых покровителей раскола. Известно, что двоюродный дед ее, боярин Салтыков, монах Сергий (умер в 1655 году), был ярый расколоучитель и оставил учеников. Дворецкий и служитель этого боярина, Исая, был поборник раскола, совращал многих, был любимец и полновластный распорядитель имений господина. По словам своих поклонников, Исая «за множество разума и за доброе ревности двором всем не только был любимец и присный советник господина, но и самому царскому величеству за благоразумие познаваем баше...»

Не менее глубокое уважение питала Прасковья к Иову, митрополиту Новгородскому. «Всеблаженнейший и всепреподобнейший архипастырь, – писала к нему царица, – в Дусе же святем любезнейший наш отец и сладчайший учитель, преосвященнейший-кир-Иов митрополит великого Новаграда и Великих Лук. Желание души моея, да всемогущая и вседержавная триипостасная благодать Божия сохранит ваше преосвященство благополучно, мирно, здраво, душеспасительно и многодетно!

При сем возвестую вашему архипастырству, по обещанию моему: послала я вашей святыне с Аароном епископом Корельским 100 рублей денег на строение пятибратского (Соколенского) монастыря; благоволи принять, во удобное строение того монастыря, по твоему рассмотрению, то наше подаяние истощити, а о умедлении сея присылки не позазри, понеже вестно вашему преосвященству, что уже не ныне и не только, но сугубо обещала дати, а умедлила, надежду имея на вице-губернатора Корсакова и об отдаче к нему и писано, но он сего не учинил, не ведую для чего; а сугубое достальное толикое ж число желаю прислати или с собою привезу, аще Бог изволит и жива буду в грядущее лето.

Прошу вашего преосвященства, да не оставлена буду аз и дочери мои в ваших архипастырских святых молитвах.

Еще прошу, надеясь на вашу архипастырскую духовную любовь: пожалуй, батюшка, не прогневайся на Аарона епископа за укушение езды егр из Москвы; – истинно неоднократно мы его удерживали; но он еще и немало печален был о разлучении вашего архипастырства, но исполняя наше повеление, не дерзнул чрез наше слово отъехать. Паки просим, по своему благому состоянию, отпусти ему сей долг. Многогрешная, припадая к стопам твоим святительским, о молитвах прошу. Царица Прасковья. Из Измайлова, 14 февраля 1714 г.»

Одно уж это письмо показывает, в каких близких и дружественных сношениях находилась Прасковья с представителями именитого духовенства.

Пересылалась она с ними письмами, посылала подарки, ходатайствовала о епископах, попах да диаконах, наконец, ездила к ним сама на поклон – молить о благословении, да внимать их вещему слову.

Между прочим, царица зачастую посещала уважаемого ею митрополита Иллариона Суздальского; ездила к нему в сопровождении своих дочерей, с дарами и поклоном, в Спасокукоцкую и Золотилловскую обители. В один из таких приездов царица долго беседовала с уважаемым старцем, обнаруживала беспокойство о будущей участи своих царевен и просила митрополита за них молиться. В ответ на это преосвященный, в прозорливость и дар пророчества которого верила паства, верила и Прасковья, предсказал царевне Анне высокую участь: престол и корону.

Нет ничего удивительного, что Прасковья, с малолетства обвыкшая видеть, среди даже родственников, фанатиков, зачастую прибегавших к чудесам и чародейству для распространения своего учения, невольно сохраняла слепую веру в предсказания и во все чудесное. В низеньких покоях ее обширного дома, в толпе челядинцев, особенно первое время, по словам Татищева, нами уже приведенным выше, не только были терпимы ханжи, пустосвяты и всякие уроды физические и нравственные, но некоторые из них почитались чуть-чуть не за святых; в обычном штате благоверной государыни были гадалыщицы и пророки. В последнем звании, как мы уже упомянули выше, состоял между прочими отставной подъячий Архип Тимофеич; у него целовали руки, просили благословения, ждали вещего слова и каждому бессмысленному изречению придавали какое-то таинственное, во всяком случае священное значение. При посещениях Петра мнимых пророков убирали в дальние чуланы; но всех скрыть было нельзя, и они давали повод монарху к частым насмешкам. «Двор моей невестки, – говаривал Петр, – госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов».

Но царица умела ему угодить в другом, была к нему предупредительна, во многом делала уступки, и Петр снисходил к ее предрассудкам. В глазах Петра невестка его имела уже ту заслугу, что держалась вдали от его крамольных сестер и опостылой жены и была на его стороне, была близка к его родной и всегда любимой сестре, добродушной и веселонравной царевне Наталье Алексеевне.

В декабре 1702 года царь Петр праздновал в Москве торжество побед Шереметева над шведами; празднество, между прочим, ознаменовалось церемониальным входом войск с царем во главе и в сопровождении пленных шведов. Из окон одного частного дома любовалась на торжество царица Прасковья Федоровна с царевной Натальей Алексеевной, со множеством русских и иностранных господ.

На праздниках царь Петр приказал знатнейшим русским господам и госпожам, в числе 300 человек, явиться в Измайлово в 9 часов утра. То же предписано было иностранным послам, некоторым купцам и женам их, так что всего набралось до 500 человек. Каждому предложено было поднести царице Прасковье праздничный подарок в виде серебряной или золотой вещицы. Подарки записывались в особую книгу, с обозначением имени дарившего; затем их отдавали одной из царевен, которая при этом позволяла целовать свою руку. Большая часть

гостей после этого разъехалась по домам, остальных пригласили к обеду, после которого была пляска до полуночи.

Прасковья Федоровна отблагодарила царя тем, что, отрешившись от старых обычаев, вместе с тремя дочерьми и царевной Натальей Алексеевной являлась в Немецкую слободу и, между прочим, была на свадьбе одного из приближенных Петра. Свадьба праздновалась в доме Лефорта. Это было большое каменное здание в итальянском вкусе, в которое входили по лестнице с правой и левой стороны. Здесь были, по тому времени, великолепные комнаты и большая зала с богатыми обоями; для вящего украшения в зале расставлено было множество серебряных и вызолоченных сосудов, взятых из казны. Свадьба праздновалась два дня сряду, так что часть гостей, которых было до 500 человек, осталась ночевать в Немецкой слободе в домах, назначенных царем, чтобы на другое утро явиться вовремя на пир.

Целый день прошел довольно чинно, мужчины и женщины сидели особо. Родная сестра Прасковьи, Настасья Федоровна, в качестве супруги князя-кесаря Ромодановского, которому, по приказу царя, воздавались царские почести, изображала из себя царицу и с комической важностью восседала одна на возвышенном месте за решеткою. В последний день гости обоего пола пировали вместе, и большая часть дам, в том числе племянницы царя, явились в немецких платьях. После пира были устроены танцы.

Покончив с необычными увеселениями, Прасковья Федоровна вернулась в Измайлово. Там застал ее иностранный живописец де Бруин, которому Петр поручил написать портреты трех племянниц.

Де Бруину царица Прасковья показалась моложе своих лет. По его словам, она была тогда, в 1703 году, довольно дородна, но имела стройный стан и ее почти можно было назвать красивою. Особенно очарован был живописец обращением царицы: и она, и дочери не раз сами подносили вино; за обедом ему подавалась рыба, несмотря на великий пост. Портреты, на которых царевны были изображены в немецких платьях, очень понравились царице; она подарила живописцу кошелек с золотом и просила нарисовать для нее вторично портреты ее дочерей, так как первые были сделаны Меншикову по приказу царя.

Таким образом, де Бруин довольно часто бывал в Измайлове и однажды приехал туда в такое время, когда там справлялось новоселье в деревянной пристройке для царевен. Ждали и царское семейство. В первой комнате, по случаю новоселья, пол был устлан сеном; направо стоял огромный стол, уставленный большими и малыми хлебами, принесенными по случаю справляемого торжества; на некоторых были щепотки соли, на других – серебряные солонки. Стены комнаты сверху над окошками и дверьми были украшены семнадцатью иконами. Брат царицы, Василий Федорович Салтыков, со священниками и вельможами находился в конце комнаты, где служили молебен; царица со множеством дам во время службы стояла в третьей комнате.

Из угождения государю решила царица Прасковья променять свое привольное Измайлово на неизвестный и едва ли любезный для нее Петербург. Она не могла не знать тех неудобств и лишений, с которыми неминуемо сопряжена была столь дальняя поездка по сквернейшей дороге в страну болотную, полудикуую, бедную, вконец опустошенную продолжительной войной; но толковая женщина не могла не видеть, что городок, возникающий из этих болот, есть любимое создание Петра, и она долгом считала выполнить указы, неоднократно повелевавшие именитым москвичам переселяться на берега Невы.

24 августа 1706 года происходило погребение любимой тетки государя, царевны Татьяны Михайловны; между прочими членами царского семейства шла Прасковья со старшей дочерью Катериной; вся процессия была в «печальном, смирном платье, со свечами».

После печальной церемонии сборы в дорогу усилились; но они не могли быть скоро конченными, так как все почти царское семейство разом подымалось на переселение. Только 22 марта 1708 года бесконечные вереницы колымаг, повозок и подвод с царицами, царевнами,

боярами и боярынями, с громадной прислугой и обозами с вещами потянулись в Петербург по дороге, едва проложенной.

При всех неудобствах дальней поездки она не могла быть особенно скучна ни для царицы, ни для царевен; они ехали в большой компании; тут была царица Марфа Матвеевна, вдова царя Федора, сестры Петра: царевны Наталья, Марья и Федосья; князь Федор Юрьевич Ромодановский, Иван Иванович Бутурлин и множество именитейших сановников.

Конец путешествия совершен был водою из угождения царю, страстному любителю путешествий водою.

20 апреля 1708 года в Шлиссельбурге бесконечная флотилия встречена была державным хозяином. «Я приучаю мою семью к воде, – говорил царь Петр Апраксину, – чтоб не боялись впредь моря, и чтоб понравилось им положение Петербурга, окруженного водой. Кто хочет жить со мною, тот должен бывать часто на воде».

В Шлиссельбурге, вследствие дурной погоды и льда, шедшего из Ладожского озера, государь пробыл с гостями пять дней, показывая им все достойное внимания и заботясь об устройстве торжественной встречи. Флотилия с царицами и царевнами, вновь встреченная государем, приплыла к столице 25 апреля 1708 года. Дорогие гости приглашены были в губернаторские старые хоромы, бывшие при въезде в город. Лишь только приезжие стали подыматься из буеров, в городе грянул залп, другой, третий, загремела пальба: то Петербург ликовал, принимая царственное семейство. В губернаторском доме загорелся пир горой; веселились довольно, и только за полночь разъехались по домам пьяные гости и гости. Царица с дочерьми осталась ночевать в губернаторском доме.

Путешественницы, утомленные дорогой и пиром, крепко и долго спали. В десятом часу утра их разбудил крик: «Пожар, пожар!» Губернаторский дом, довольно ветхий и деревянной постройки, был охвачен пламенем. Все бывшие в доме спаслись; но большая половина верхнего жилья сгорела со многими вещами и пожитками.

Государь поспешил познакомить гостей со своим обширным хозяйством; он водил и возил их по городу, обращал внимание на все постройки, на новые и проектированные улицы, площади, каналы. Отрекомендовав столицу, Петр плавал с гостями в Кроншлотт; наконец, изъявил желание, чтоб они проводили его в Нарву, откуда он должен был ехать для военных операций в Смоленск. Царская фамилия выехала 25 июня 1708 года, монарх знакомил их с местностью (отрадного в ней было мало); хвалился новосозданными крепостцами, Копорьем да Ямбургом; в Нарве отпраздновали приезжие день ангела государя. Молебны, пушечная пальба, огненные потехи – все было как следует. На другой день государь поехал далее, а царицы и царевны вернулись в Петербург, в то время не укрепленный еще за нами полтавским боем.

Прасковье с дочерьми отведен был дом в полную ее собственность, едва ли не ее же людьми выстроенный на Петербургской стороне, недалеко от крепости, вверх по Неве, близ Петровского домика. На этом берегу жил государь; недалеко был деревянный дом князя Меншикова, с виду похожий на церковь, мазанковые дома канцлера Г. И. Головкина, вице-канцлера Остермана, барона Шафирова и других знатных лиц русских и иностранцев.

Петербург представил новоприезжим непривлекательное, но весьма любопытное и оригинальное зрелище. На обоих берегах красавицы-Невы ежедневно вырастали из болот деревянные, мазанковые, а мало-помалу и каменные домики; вытягивались амбары, госпитали; разбивались лавочки, образовывались гостиные дворики, возникала торговля. На одном из подобных дворов, на месте нынешней Троицкой площади, царица и ее дочери могли видеть самые разнохарактерные и разноязычные толпы народа. Перед окнами ее дома текла роскошная Нева, покрытая сотнями стругов из Ладоги, Новгорода и других городов с товарами и съестными припасами.

Если быстро возникали домики да лавки, то частенько и исчезали они в пожарах. Так, в 1710 году Прасковья была свидетельницей сильного пожара, дотла уничтожившего соседний

гостиный двор. Пожар не обошелся без грабежа, вследствие чего пепелище скоро украсилось четырьмя виселицами. На них, по жребию, из 12 человек осужденных вздернули четверых.

Невеселое и недешевое житье было в Петербурге, особенно первые годы по переселении. Город и его жалкие окрестности были опустошаемы пожарами, моровою язвою, наконец, голодом, так как за неустройством путей сообщения подвоз провианта был крайне затруднителен, и цены на все стояли непомерные. Волки забежали в дома, скот падал, люди, опухшие от голода и холода, мерли до такой степени, что в городских домах да в избах окрестных деревень оставалось в живых не более двух-трех душ.

Прасковье нелегко было содержать большую дворню трудно подвозимыми припасами; пожары да наводнения пугали ее немало, и нет сомнения, воспоминание о дорогом Измайлове не раз отравляло для нее петербургские удовольствия. Тем не менее, должно было покоряться необходимости: царица находилась в прямой зависимости от государя; ей дорога была его милость – и тем дороже, что надо было пристраивать подраставших дочерей.

Судьбу своих царевен Прасковья благоразумно предоставила Петру, а тот распоряжался племянницами сообразно с планами своей политики. Желания и нежелания царевен не могли входить в расчет ни матушки, ни дядюшки: первая выросла в сознании необходимости невольного брака, а последний, хотя и освободил царевен от тюремного заточения, но настолько, чтоб они не выходили из-под его власти и предоставляли ему распоряжаться их жизнью.

III. Царевна и герцогиня Курляндская Анна Ивановна

Первый жених сыскался для царевны Анны Ивановны в лице молодого герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма, племянника короля Прусского.

Об этом браке говорено было еще в октябре 1709 года на свидании Петра с королем Пруссим в Мариенвердере. Дело было тут же улажено, оставалось герцогу посвататься. Дорожа могучим соседом, герцог не заставил себя долго ждать, и в июле 1710 года его уполномоченные заключили супружеский договор. После ратификации договора герцог получил приглашение приехать в столицу, куда и прибыл в сопровождении фельдмаршала Шереметева в августе 1710 года.

Государь принял его с необыкновенным радушием; царевна Анна, по убеждению матери, написала к нему любезное письмецо на немецком языке, чем заявляла успехи своего обучения у Остермана-старшего; наконец, Прасковья Федоровна угостила на славу дорогого гостя. Жених довольно близко сошелся с членами царского семейства; вместе с ними принимал он участие во всех пирах, церемониях и празднествах. В сентябре в честь герцога произведены были всем флотом маневры. Государь развлекал Фридриха то фейерверками, то пальбой, то катаньем в обществе дам, то гулянками в среде дорогих собутыльников. Между ними герцог явил несомненный талант – пил до невозможности; чуть не заливался он русским пенником, а 10 декабря 1710 года едва не погиб, но не от пенника, а от невской воды: в ночь, при сильном морском ветре, поднялась страшная буря; вода выступала из берегов, и между прочими строениями едва не унесла тот дом, где мирно почивал жених из Курляндии.

Мы не имеем вполне достоверных данных, по которым могли бы объяснить, почему выбор герцога упал не на пухлую, бойкую, румяную царевну Катерину, а на смуглую, угрюмую и рябоватую Анну. Позволяем себе только догадываться, на основании некоторых фактов, что со стороны герцога выбор не был произволен. В герцоге не было ничего такого, что могло бы вызвать большую симпатию Прасковьи. Царевна Катерина была любимицею матери, снискала особенное расположение дяди – и вот царица и царь решились обождать для нее нового и, может быть, более удачного жениха.

Впрочем, и настоящая свадьба послужила достаточным предлогом для нескончаемого ряда празднеств и денных, и ночных, и на земле, и на воде.

По свидетельству современника, «невероятное» число пороха растрчено было при этом, так как каждый тост – а им не было числа – сопровождался 11 пушечными выстрелами.

Свадьба назначена была 31 октября 1710 года. За несколько дней о ней оповестили с большими церемониями. В день свадьбы, в девять часов утра, сам государь в качестве обер-маршала, в сопровождении знатнейших кавалеров, на шлюпках отправились к Прасковье. Впереди гремел хор немецких музыкантов; на средней барже красовался царь – в алом кафтане, с соболями отворотами, серебряной шпагой на серебряной портупее и орденом св. Андрея на голубой ленте. На голове вместо шляпы был напудренный парик, а в руке большой маршальский жезл, у которого на пестрых лентах висела кисть, украшенная золотом и серебром.

А между тем в доме царицы все уже было готово: невесту окружали мать, сестры, царевны-тетки и знатнейшие русские дамы, все в нарядных немецких платьях.

По прибытии государя, после обычных церемоний, присутствовавшие особой процессией отправились к шлюпкам, где и разместились по церемониалу. Здесь дамы оставались, пока расторопный обер-маршал не привел к шлюпкам жениха и его свиту. Все уселись. Музыка гремела по-прежнему, и флотилия из 50 разукрашенных судов поплыла вниз по реке к палатам князя Меншикова.

И плыла флотилия, и шли высадившиеся лица на берегу не иначе, как по особому установленному церемониалу. Невеста была в белой бархатной робе, с золотыми городками и длин-

ной мантией из красного бархата, подбитой горностаем; на голове красовалась богатая королевская корона. Герцог был в белом, затканном золотом кафтане.

При входе во двор дома рота преображенцев отдала честь при звуках музыки. Обряд венчания совершен был архимандритом Феодосией Яновским в полотняной походной церкви, поставленной в хоромах Меншикова. Архимандрит объяснил по латыни жениху сущность обряда, но при совершении его нашел нужным опустить некоторые церемонии.

После венчания все отправились обедать. Столы были накрыты в двух великолепно убранных залах. В первой зале, где ныне церковь Павловского военного училища, за свадебным столом сидели новобрачные под лавровыми венками; напротив сидели сестры невесты, мать-царица, сестры царя и несколько дам; остальные гости – а их было немало – разместились также по чинам да разрядам, и пир, искусно управляемый неутомимым обер-маршалом, пошел обычной чередой. Царь был очень весел; тост сменялся тостом, и каждый раз заздравное питье было сигналом залпа из 41 пушки, размещенных на плацу (ныне плац Павловского военного училища) и на яхте «Лизете», которая красовалась на Неве.

Обед сменился танцами; открылся бал во вкусе того времени, с трубками, пивом, водкой, штрафными кубками, которые, придавая развязность гостям, заставляли их смелей да смелей выделять все антраша немецких да французских танцев.

Дамы и кавалеры были неутомимы; только в третьем часу пополуночи прекратился бал. Новобрачные сели за стол, уставленный конфетами и винами; после чего царица Прасковья отвела Анну в спальню, куда вскоре сам государь проводил молодого.

На другой день – другой пир. Перед обедом государь сорвал венок, висевший над герцогом; последний должен был сделать то же самое с венком молодой, но никак не мог сладить: руки ли отказывались ему служить после тостов, или венок в самом деле был крепко связан, как бы то ни было, но герцог нашел нужным разрезать его ножом.

При украшении столов Петр явил обычный ему юмор: так, на главных столах возвышались два громаднейших пирога, четвертей в пять. Когда прочее кушанье было снято, государь вскрыл пироги, и ко всеобщему восторгу и изумлению из них выскочили две разряженные карлицы. Петр отнес их на свадебный стол, и здесь по его приказу карлицы исполнили менуэт. Между тем тосты продолжались, пальба гремела чаще и чаще; затем начались танцы; а с наступлением вечера сожжен был на Неве фейерверк с разными аллегорическими фигурами. Огненной потехой распорядился сам Петр, на этот раз, впрочем, не совсем удачно: он едва не поплатился за неосторожное обращение с огнем.

По домам разъехались ранее вчерашнего, и герцог с молодой опочили не в палатах Меншикова, а в своем доме.

2 ноября 1710 года пастор герцога благословил брак проповедью, а в следующее воскресенье молодой угостил пиром обер-маршала, маршалов, родню жены и всех именитых лиц.

Но этим не кончились пиры да забавы, вызванные свадьбой царской племянницы. Государь хотел досыта распотешить герцога Курляндского с его свитой да потешиться и самому с приближенными.

Потехою послужила устроенная царем публичная свадьба карлика Екима Волкова. На эту свадьбу свезли из Москвы и других мест, за несколько сот верст, 72 карлы и карлицы, отобрали их от дворов и дворишков царицы Прасковьи, царевен, бояр и боярынь, которые, вслед за высочайшим двором, имели обыкновение держать шутих, дураков, дур, карлов и карлиц.

14 ноября 1710 года, при всем царском семействе и большом стечении публики, в крепостной церкви совершено было бракосочетание карлы и карлицы. Все мелкие обряды, весь порядок процессии до венца, самое венчание и после него все чины свадебные были исполнены надлежащим образом.

В церкви жених на вопрос священника: хочет ли он жениться на своей невесте? – громко отвечал: «На ней и ни на какой другой». Невеста на вопрос: хочет ли она выйти за своего

жениха и не обещала ли уже руки другому? – отвечала: «Вот была бы штука!». Ее «да» чуть можно было расслышать, что возбудило всеобщий хохот. Царь Петр, в знак особой милости, держал венец над карлицей-невестой. После венчанья все отправились на шлюпках к дому князя Меншикова, и в той же зале (нынешняя церковь Павловского военного училища), с теми же церемониями, при той же обстановке – при какой была свадьба герцога Курляндского с племянницей русского государя – ныне пировали маленькие уродцы; герцог и герцогиня были в числе именитых зрителей.

Впрочем, и зрители были не без дела: усевшись вокруг столов, так расставленных, чтобы отовсюду видны были карлики и карлицы, гости ели, пили, шумно говорили и хохотали, с любопытством следя за суетнёй уродцев. Их угощал, как и на свадьбе племянницы, сам государь.

Тосты провозглашались в обычном порядке, и шутовское собрание осушало громадные кубки до дна, не уступая в этом самым великорослым людям.

Глядя на эту странную потеху, действительно, нельзя было не найти в ней, как находит это Крузе, историк Курляндии, род сарказма на брак незначительного принца с принцессой могучего государя. Но проникнуть в тайные мысли Петра нет возможности, и мы, не имея ключа к ним, должны остановиться на том, что преобразователь потешался просто из страсти к потехам – «искусство для искусства», не придавая шутовской свадьбе никакого серьезного значения.

После обеда карлики очень весело танцевали по-русски до одиннадцати часов ночи; карлицы были в немецких платьях и своими прыжками и кривляньями вдоволь натешили именитых зрителей. Общий восторг овладел даже немцем I. G., который и сохранил для нас эти интересные подробности в своей – ныне чрезвычайно редкой – книжечке «Описание С-Петербурга 1710–1711 гг.»; впадая в какой-то лирический пафос, заезжий немец восклицает: «Трудно представить себе, какие тут были прыжки, кривлянья и гримасы! Все гости, в особенности же царь, были в восторге; не могли навеселиться, и смотря на коверканье и ужимки 72 уродцев, хохотали до упаду. У иного были коротенькие ножки и высокий горб, у другого – большое брюхо, у третьего – ноги кривые и вывернутые, как у барсуковой собаки, или огромная голова, или кривой рот и длинные уши, или маленькие глазки и расплывшееся от жира лицо!..» и т. д.

Постель новобрачных была устроена в опочивальне его царского величества. Государь, кажется, до конца хотел проследить все явления интересного зрелища.

Как ни интересно оно было для любознательного монарха, считавшего себя знатоком в изучении человеческого естества, но результат первой ночи молодых был довольно плачевный (по крайней мере для них): молодая умерла осенью 1711 года в страшнейших мучениях от родов, а муж впал в распутство и умер позже своей невольной супруги.

Столь же несчастлив был и другой брак, брак не карлов по росту, а карлов по значению: брачная жизнь Анны Ивановны продолжалась с небольшим два месяца. В январе 1711 года она отправилась с мужем в Митаву, но 9 числа, в сорока верстах от Петербурга, на мызе⁹ Дудергоф, молодой герцог скончался. На основании некоторых известий, он умер от непомерного потребления крепких напитков, которыми так заботливо угощал его сам Петр и все петербургские сановники.

Смерть мужа, по изволению Петра, не должна была переменить место жительства Анны. Она лишь на некоторое только время возвратилась к матери, жила в Петербурге, ездила в Измайлово. Волею-неволею, но для политических видов дяди племянница должна была, однако, поселиться в Митаве и окружить себя немцами: не напрасно же она училась у Дитриха Остермана.

⁹ Мыза – имение прибалтийских феодалов.

Впрочем, Митава предназначалась не для одной Анны; из письма Петра Сенату от 16 апреля 1712 года видно, что он думал водворить там все семейство покойного брата. «Понеже невестка наша, – писал Петр, – царица Прасковья Федоровна с детьми своими в скором времени поедет отселе в Курляндию и будет там жить; а понеже у них людей мало, для того отпустите к ним Михайлу Салтыкова с женою, и чтоб он ехал с Москвы прямо в Ригу, не мешкав».

С отъездом, однако, в Курляндию, хотя бы только и в гости к дочери, царица Прасковья не торопилась, и в 1712 году мы ее встречаем действующим лицом на весьма важном акте, именно на свадьбе царя Петра с Екатериной Алексеевной. Брак был совершен в Петербурге, рано утром, в деревянной церкви Исакия Далмацкого, находившейся между нынешним памятником Петру и Адмиралтейством. Посаженною матерью была царица Прасковья Федоровна, а ближайшими девицами – ее дочери: Катерина и Прасковья.

Еще накануне Кикин и Ягужинский посланы были приглашать «на старую свадьбу» его величества. Гостей было не особенно много, и никого не принуждали пить вино в большом количестве. Вечер заключился балом и фейерверком.

В 1713 году мы встречаем краткое известие, что «по указу царицы Прасковьи Федоровны взяты из комедии обретающиеся близ Никольских ворот... 20 перспективных картин» для домашнего театра ее величества, потому что новых, по недостатку времени, сделать было невозможно.

К царице Прасковье и ее семье приезжала и гостила по несколько времени царевна Анна. В 1714 году мы ее видим гостьей в селе Измайлове, куда часто наезжала ее маменька из немилого Петербурга. Но этот приезд был несчастлив для царевны; она долго и сильно хворала, так что задерживала возврат царицы в Петербург. Страшась, дабы не прогневались государь с государыней за невольную просрочку, Прасковья спешила попросить кабинет-секретаря Макарова замолвить за нее слово.

«Алексей Васильевич, – писала мать Анны, – здравствуй на множество лет. Пожалуй донеси невестушке, царице Екатерине Алексеевне, ежели мой поход замешкается до февраля или до марта, чтоб на меня какова гнева не было от царского величества; во истинно, за великими моими печальми. А печаль моя та, что неможет у меня дочь, царевна Анна. Прежде немогла 13 недель каменною болезнью, о том и ты известен. А ныне лежит тяжкою болезнью горячкою; – а ежели им угодно скоро быть и я, хотя больную, повезу; и ты пожалуй, отпиши ко мне, как их воля мне быть, чтоб мне их не прогневить. Да еще прошу, пожалуй моему человеку Андрею Семенову денег на что понадобится к моему делу; при сем остаюсь царица Прасковья. Измайлово. 15 декабря 1714 года».

Судьба Анны и в разлуке постоянно озабочивала мать. Старушке многое не нравилось при дворе царевны; во многом желалось перемены, и она смело обращалась к царю с различными просьбами. Вот одна из них неизвестного года и места подачи, но прямо относящаяся до дел царевны Анны:

«1. Правительствующий сенат, не получа указу именного из походу, никакого денежного вспоможения на пути моей царевны учинить не хочет, о чем прошу указу к тому сенату.

2. Из моей определенной дачи, как вам известно, бывшую мою царевну отпуская, всячески ее снабдевала и посуду серебряную с нею отпустила; а ныне мне того учинить мочи нет.

3. Соизволили писать ко мне, что в Курляндии все ей, царевне моей, определено; а чем ей там жить и по обыкновению княжескому себя содержать, о том именно не означено. Прошу о подлинном того всего себе уведомлении: из нашей ли казны, или с подданных того княжества назначенные денежные доходы впредь имать ей?

4. Извольте меня подлинно уведомить, чтоб мне и моей царевне впредь, из какого незнания, какой неугодности вам не чинить; что ей, царевне, будучи в том княжестве, по примеру ли прежних княжен вести себя и чиновно дворство содержать, или просто?

5. Чтoб мне дозволено было самой проводить царевну мою до места на время и потом в нужные случаи ездить к ней и видеться, чтoб при такой ее новости там во всем отпасть и управить.

6. Карет и лошадей мы берем на долговных людей, по тамошнему чиновному порядку; также ей, царевне моей, без особой дачи исправить нечем. Прошу на то об указе.

7. Повелите ли отчины дать царевне моей по тамошнему старому обыкновению иметь из тамошнего ж шляхетства, по пристойности дела.

8. Прошу вседокучно, по своей крайней милости и по своему слову, переменить оттуда прежнего гофмейстера, бывшего прежде при царевне моей, который там весьма несносен, и тем нас не опечалить; а быть на его место впредь иному, кому вы соизволите.

На сие всепокорно прошу о милостивом вашем решении и об отповеди к себе, чего я и моя царевна здесь ожидать будем, и для того нарочный с тем в походе до вас от меня послан».

Гофмейстер, возбудивший неудовольствие царицы, несносный для нее, был Петр Михайлович Бестужев. Государь сам назначил Бестужева к курляндскому двору, как человека расторопного и весьма деятельного исполнителя его распоряжений. Герцогиня, столь рано потерявшая мужа, оказывала Бестужеву самое теплое расположение. «Не можно оправдать Анну Ивановну в любострастии, – пишет князь Щербатов, – ибо подлинно, что бывший у ней гофмейстер Петр Михайлович Бестужев имел участие в ее милостях...» Но если князь Щербатов, вообще снисходительный к Анне Ивановне, не решался оправдывать ее связи, то эта связь делалась преступлением в глазах матери. Прасковью прежде всего поражало в этом деле своеволие дочернего выбора, и она преследовала цель удалить Петра Михайловича Бестужева.

Просьбы эти большею частью шли через руки Екатерины Алексеевны. Насчет ее в народе и промеж солдатства ходили разные толки. «Не подобает как монаху, так и ей, – говорили некоторые, – на царстве быть: она неприродная и нерусская, и ведаем мы, как она в полон взята, и приведена под знамя в одной рубаше и отдана была под караул, а караульный наш офицер надел на нее кафтан; она с князем Меншиковым его величество кореньем обвела» и проч. Не один только простой народ, первое время многие бояре и боярыни, наконец, сестры государя с недоброжелательством смотрели на возвышение безвестной немки; но царица Прасковья в этом щекотливом деле держала себя весьма осторожно: судить да рядить о фаворитке не бралась и рано догадалась, как надо себя держать. Как сама, так и через дочерей своих царица рано начала заявлять полное уважение к Катерине: поздравляла ее с торжественными днями и событиями, молила о милостивом слове, искала милостивого расположения. Подобное обращение, особенно в первое время по возвышении Катерины, не могло не нравиться последней, и она постоянно благоволила к умной царице. Это благоволение выражается во многих письмах к Прасковье, писанных от лица не умевшей писать Катерины. Вот, например, ответное от ее имени письмо на известную уже нам и на другие в том же роде просьбы царицы Прасковьи:

«Государыня моя, невестушка, царица Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лет купно и с любезными детками своими!

Письма вашего величества чрез присланного вашего Никиту Иевлева исправно дошли, на которые доношу. Об отправлении в Курляндию дочери вашей, ее высочества царевны Анны Ивановны, от его царского величества уже довольно писано к светлейшему князю Александру Даниловичу; и надеюсь я, что он для того пути деньгами и сервизом, конечно, снабдит, ибо его светлости указ о том послан. А когда, Бог даст, ее высочество в Курляндию прибудет, тогда ненадобно вашему величеству о том мыслить, чтoб на вашем коште ее высочеству, дочери вашей, там себя содержать; ибо уже заранее все то определено, чем ее дом содержать, для чего там Петр Бестужев оставлен, которому в лучших городах, а именно: в Либаве, Виндаве и Митаве всякие денежные поборы для того нарочно велено собирать. Что же в. в. упоминаете, чтoб для того всю определенную сумму на ваши комнаты на будущий на весь год взять и на расходы употребить в Курляндии для тамошнего житья, что я за благо не почитаю, ибо я

надеюсь, что и без такого великого убытку ее высочество, дочь ваша, может там прожить; а к тому же я надеюсь, что, при помощи Божией, и ее высочество, царевна Анна Ивановна, скоро жениха сыщет и тогда уже меньше в. в. будет печали. Что же о Бестужеве, дабы ему не быть, а понеже оный не для одного только дела в Курляндию определен, чтоб ему быть только при дворе вашей дочери, царевны Анны Ивановны, но для других многих его царского величества нужнейших дел, которые гораздо того нужнее, и ежели его из Курляндии отлучить для одного только вашего дела, то другие все дела станут, и то его величеству зело будет противно. И зело я тому удивляюсь, что в. в. так долго гневство на нем имеете, ибо он зело о том печалится, но оправдание себе приносит, что он, конечно, учинил то не с умыслу, но остерегая честь детей ваших, в чем на него гнев имеете (?). Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевне Анне Ивановне Андрею Артамоновичу (Матвееву) или Львову, и те обязаны его величества нужными и великими делами. А что изволите приказывать о пажах, чтоб взять из школьников русских, и я советую лучше изволите приказать взять из курляндцев, ибо которые и при царевне Екатерине Ивановне русские, Чемесов и проч., и те гораздо плохи.

О деревне в Рижском уезде для тамошнего бытия вашего величества со временем у его царского величества просить я буду и о том не оставлю вашему величеству доносить впредь, ибо еще время на то будет; однако ж и ныне писала я от себя к губернатору рижскому, чтоб вашему величеству в рационах на вашу конюшню чинить всякое вспоможение. О прочем довольно писали мы с Авдотьей Воейковой, также и словесно приказывали с Васильем Федоровичем (Салтыковым)».

Царице Прасковье непременно хотелось окружить Анну лицами, выбранными ею самой, более или менее близкими, вроде А. А. Матвеева или Львова; но устроить падение Бестужева было делом невозможным: государь привык к его расторопности и управлял через него всеми делами Курляндии. Царевна Анна была герцогиней только по имени, а отнюдь не по власти; самые мелкие потребности не только герцогства, но и владетельницы его удовлетворялись не иначе, как с разрешения государя: так, например, доставка Анне некоторых припасов, содержание ее двора, содержание войска, устройство ее дома, оранжерей, даже часть туалетная, мелкие долги и проч. – обо всем этом Бестужев должен был относиться к Петру и ждать его повелений.¹⁰

Поселение царицы в Митаве при дочери не состоялось. Надо думать, что содержание такой большой семьи, какова была у Прасковьи, с её двором, показалось бы очень обременительным для курляндских чинов, либо – и последнее вернее – сама Прасковья не желала перебираться на житье в неметчину, притом к дочери, которую она, как оказывается из некоторых фактов, любила менее других. Тем не менее нелюбимая дочь, с позволения дяди, довольно часто навещала мать. Таким образом, 1714–1715 годы герцогиня Курляндская гостила у матери и только в марте 1716 года должна была, по приказанию государя, вернуться в свою резиденцию. В это время Петр, в бытность свою в Курляндии, устроил ее дела, заставил курляндских оберратов утвердить за герцогиней назначенные ей деревни и желать, чтоб она поскорей к ним приехала. Не устраняя нужного ему Бестужева, государь сделал, однако, уступку своей невестке, назначив к Анне гофмейстериною госпожу Матвееву.

Великий государь распоряжался иногда очень круто относительно своей племянницы: в 1718 году она вновь гостила в Петербурге; Петр нашел нужным ее пребывание в Митаве, и письмом из Москвы от 26 февраля 1718 года повелел Меншикову немедленно отправить Анну в Курляндию.

¹⁰ До какой степени государь принимал на себя труд управлять делами и хозяйством племянницы, можно видеть из того, что с его утверждения отправлялась даже водка по особенной росписи. Вот, напр., одна из них: «Роспись, каких водок надлежит ко двору ея высочества государыни царевны и герцогини Курляндской Анны Ивановны: английской одно ведро, лимонной одно ведро, анисовой одно ведро, простаго вина 5 ведер. Из гданских водок цитронной, померанцевой, персиковой, коричневой по 1-му ведру». Водку приказано было отпускать по кабачной цене. (Прим. автора.)

Гораздо мягче распоряжался он чрез жену относительно Прасковьи. Царица гостила некоторое время по вдовстве Анны в Риге, скучала, желала вернуться в родимое Измайлово и просила на то разрешения. Просьба пошла на имя Катерины Алексеевны, и от имени последней, не без ведома царя, прислан был довольно деликатный отказ. Для видов государя нужно еще было пребывание Прасковьи в Риге, и вот секретарь, от имени его жены-царицы, пишет:

«Милостивая государыня, моя невестушка, Прасковья Федоровна, здравствуй на множество лет купно и с детками своими, моими дорогими племянницами, царевнами Екатериною Ивановною, Анною Ивановною, Прасковьею Ивановною.

Письмо вашего величества я получила, за которое благодарствую и доношу, что по тому письму о отбытии вашем из Риги я просила, на что получила ответ, что то исполнится. Однако же ныне еще некоторое время извольте там побыть, и хотя я верю, что тамошнее житье вашему величеству есть не бесскучно, паче же убыточно, однако уже малое время там извольте пожить, и прошу ваше величество, чтоб не имели в том прискорбности. Также известилась я, что ваше величество имеете нужду в деньгах, того для доношу: извольте ваше величество на тамошние свои домовные расходы деньги брать у Бестужева, коликое число потребно.

Письма твои ровно три до меня дошли, за которые вам благодарствую, и объявляю вам, что хотя я довольно о том просила, о чем вы ко мне писали, но не могла на то решения получить; однако не извольте о том быть печальны, но некоторое время обождите, ибо нынешнее время до того не допустит, а после, когда Бог даст добрый случай, потщуся то вам исполнить».

Заботливый монарх, повелевая невестке быть там, где он находил то нужным, не считал полезным входить с ней в переписку относительно предположений о новом браке Анны. Брак этот входил в политические планы государя насчет ближайшего подчинения Курляндии России, а в эти планы не могла, да и не дерзала, вмешиваться старушка. Вследствие различных обстоятельств планы расстраивались; расстраивались предположения и «концепты» нового супружества. Так, не исполнились переговоры о браке Анны с Иоанном Адольфом, герцогом Саксенвей-сенфальским, а вслед за тем не состоялся договор и две ратификации о супружестве племянника короля Прусского, Фридриха Вильгельма, маркграфа Бранденбург-Шведского.

Впрочем, нельзя сказать, чтоб царевна Анна, любя обязательного Бестужева, сама бы не желала законного брака. Напротив, в письмах своих то к Екатерине, то к Петру она не раз заявляла желание отдать руку тому, кого благоволит назначить дядюшка. Причина такой покорности для нас делается совершенно понятною, когда мы начинаем ближе присматриваться к жизни царевны-герцогини. Эта жизнь мало представляла для нее отрадного. С одной стороны, полнейшая зависимость от сурового дяди, невозможность куда-нибудь выехать и что-либо сделать без его разрешения; с другой – недостаточность содержания – его не хватало при ее неумении вести хозяйство; наконец, беспрестанная воркотня, упреки да брань матушки, как в письмах, при разлуке, так в устных беседах, при свиданиях, – все это преследовало, все тяготило, все отравляло жизнь царевны Анны Ивановны.

В ее митавском дворце, среди немецкого и довольно безобразного двора, зачастую являлся то надсмотрщик царский, то приезжала свойственница, друг, либо родственник царицы Прасковьи: шпион следил за жизнью герцогини и нередко хулил ее потом при дворе ворчливой старухи-царицы.

Некоторые из этих надсмотрщиков и хулителей весьма интересны, и мы считаем не лишним познакомиться с главнейшим из них – ее родным дядей Василием Федоровичем Салтыковым.

IV. Нежный братец Василий Федорович Салтыков

«Жену свою до смерти я убить не хотел, а бил ее своеручно не мучительно за вины ее, за что надлежало».

В. Ф. САЛТЫКОВ.

(Письмо 1720 г. в Юстиц-коллегию).

Василий Федорович Салтыков, брат царицы Прасковьи, был одним из именнейших бояр старого покроя. В 1690 году государь сделал его кравчим¹¹ при дворе невестки. Прасковья вполне доверяла брату и уважала его, часто гостила у него в Москве и советовалась с ним о всех домашних делах.

Схоронив первую жену, княжну Аграфену Петровну Прозоровскую, в 1707 году кравчий женился на княжне Александре Григорьевне Долгоруковой, единственной дочери младшего брата знаменитого князя Якова.¹²

Новый брак, удовлетворявший аристократическим стремлениям Салтыкова, был, однако, несчастлив. Отношения мужа к жене вполне рисуют перед нами характер нежного братца Прасковьи. В 1718–1719 годах мы видим брачную чету в Митаве. Зачем были они здесь – неизвестно; известно только из жалобы герцогини, что любезный дядюшка вел себя относительно ее крайне непочтительно, даже дерзко; колкими замечаниями да грубым вмешательством во все, нередко до него не касающееся, дядюшка глубоко оскорблял племянницу, не стеснясь тем, было ли то в семейном кружке, либо в публичке, так что Анна частенько проливали горькие слезы... Салтыков частью по поручению сестры, частью из личных расчетов, всячески преследовал обер-гофмейстера Бестужева, требовал у Анны просьбы к царю об удалении ее фаворита, а между тем сам своею семейною жизнью являл соблазн «на всю Курляндию и Польшу».

Невзлюбив жену, он преследовал ее попреками, бранью, побоями; когда Александра Григорьевна жаловалась царевне, либо решалась письменно просить защиты у государыни, Василий Федорович снова давал разгул своему гневу и бил княжну не на живот, а на смерть. Не желая разделять с ней брачного ложа, братец царицы завел связь со служанкою, держал ее в «фаворе» публично, слушал наговоры людей своих на жену и дозволял им относиться к ней с неуважением. Загнанная, забитая Александра Григорьевна, если верить ее отцу, зачастую мучилась голодом и зачастую падала без чувств от кулачных поучений супруга.

Потеряв всякое терпение, она написала жалобу не только государыне Екатерине Алексеевне, но и самому царю. Сильно встревожилась за брата царица Прасковья Федоровна и отправила ему письмо, в котором проглядывает горячая заботливость об его судьбе:

«Братец, свет мой, пожалуй поберегися, чтобы тебя не извели или бы не убили... она (т. е. Александра Салтыкова) била челом и руку приложила „Васильева, жена Федоровича Салтыкова“; а челобитня писана по-прежнему, только прибавки: „хуже я вдовы и девки“; да еще пишет: „взял мою бабу и живет блудно“ и бьет челом, блудного дела с тобою разойтится; ко государю пишет просительное письмо, чтобы он миловал. Надобно тебе быть сюда поскорее; я не знаю, что делать на их челобитню: твоя надобна или нет? И без твоей челобитной будто нельзя быть, а без твоей руки не примут; всеконечно надобно тебе быть поскорее, по последней

¹¹ Кравчий – придворный чин и должность в России XV – нач. XVIII в.

¹² ...младшего брата знаменитого князя Якова – автор имеет ввиду Григория Федоровича Долгорукова (1656–1723), известного дипломата, посла в Польше в годы Северной войны, участника Полтавского сражения. Его старший брат Яков Федорович Долгоруков (1639–1720) был знаменит тем, что поддержал Петра I в его борьбе с царевной Софьей, принимал активное участие в Азовских походах 1695, 1696 гг., был одним из организаторов русской регулярной армии. С 1700 по 1710 г. находился в шведском плену. Затем – один из первых сенаторов, глава Военного комиссариата, президент Ревизион-коллегии.

мере, что к царице Екатерине ангелу; а лучше бы поскорее, надеелася... много умиляются за нее и стоят за нее; больше сам знаешь, кто ее друзья...»

Жена надоедала своему обычному мужу ревностью, слезливостью и постоянными жалобами; сильное желание каким бы то ни было образом развязаться с ней привело однажды супруга к столь горячему с нею объяснению, что Александра Григорьевна, покрытая синяками и ранами, замертво упала на землю. Супругу было некогда возиться с ней: он торопился в Петербург, по призыву Прасковьи, к ней под крылышко. Василий Федорович бросил жену и ускакал из Митавы, пылая гневом и против жены, и против ее заступницы, герцогини Анны Ивановны.

Действительно, племянница взяла под свой покров забитую тетку; перевела ее в свои хоромы и поручила придворному доктору осмотреть тетенькины раны.

Лечение пошло успешно; княжна стала поправляться, как вдруг нежный братец Прасковьи прислал жене строгий приказ – немедленно ехать в Петербург. Как ни боялась Александра Григорьевна бешеного мужа, но, ободряемая племянницею, она решилась скрыться в Варшаву, к отцу, действительному тайному советнику и кавалеру, бывшему чрезвычайным посланником и полномочным министром. Затаив намерение от многочисленной дворни, княжна со слезами простилась с царевной, шепнула ей, что непременно поедет в Варшаву, и в сопровождении челяди отправилась в путь.

Князь Григорий Федорович Долгоруков знал и скорбел о страдальческой жизни дочери; предуведомленный ею, он выслал навстречу ей князя Шейдякова. Посланный встретил страдальцу в жидовской корчме, близ Митавы, на Двине. Он немедленно распорядился, чтоб обоз с вещами и дворнею проехал далее в Ригу, а барыню с двумя горничными пересадил в почтовую коляску, заранее приготовленную, сел в нее сам и велел ехать назад. То был обман. Отъехав несколько, Александра Григорьевна, все еще страшась тирана-мужа, написала к нему письмецо. Запуганная и забитая, она и тут не смела заявить свою самостоятельность и причину своего побега сваливала на отца. «При отъезде моем в Ригу, – писала она между прочим, – получила я от отца своего присланных людей; приказал он видаться с собой. Не смела воли его преслушать; а когда изволите мне приказать быть – я готова. Не надеюсь я вашего за то гневу, понеже имела давно от вас позволение. А что мое платье и другое осталось по отъезде вашем из Митавы, и я ничего не взяла». Вручив Марье Волковой, одной из своих служанок, письмо к мужу, Александра Григорьевна приказала ей ехать в Петербург, а сама беспрепятственно продолжала путь в Варшаву, куда и прибыла еле-еле живая от физических и душевных страданий.

Вид дочери жестоко огорчил старика-отца. Пылая местью за оскорбление чести дочери, за оскорбление в лице ее всей именитой фамилии, маститый старец, министр и воин искал правды и суда у великого государя.

«Высокодержавный царь и всемилостивейший государь, – писал Григорий Федорович, – ваше величество, милосердя о народе своего государства, изволите непрестанно беспокойно трудиться, чтоб оной из прежних азиатских обычаев вывести и обучить как все народы христианские в Европе обходятся. Того рода изволили высоким своим указом всем милостиво воспретить, чтоб никто, не зная женихов, как прежде было, не ходили замуж. Зная это, зять мой Василий Салтыков, зная дочь мою, своею волею женился и оную немалое время имел, как и прочие мужья, в своей любви; и потом ни за что, токмо по наговору своих людей, которые и с прежнею его женою, також для своего интересу, чтоб оным всем его владеть, ссорили. Для чего какую немилостию обратился, и в такой немилости и в ругании от людей своих оную содержал, и безвинно бил, и голодом морил, и такое бедное мучение и гонение терпела, чего и описать невозможно, что не токмо жене, ни последней подданной сироте снести было не мочно; однако она, привращая его к прежней милости, все то чрез натуру терпела, и тем пуще сердце его ожесточила, так что не боясь Бога и всенародного стыда, в Митаве хотел убить (ее) до смерти; и так мучительно бил, что замертвую кинул, и притом токмо напamятовал, для чего о несчаст-

ливом своем житье доносила всемилостивейшей государыне, царице Екатерине Алексеевне, и для чего от него прочь нейдет. А потом, что было ее – все ограбил. И так теми своими барбарскими поступками не токмо Курляндию и Польшу бесчестно наслушил, и в Петербург отъехал; а как потом увидел, что еще жена его в кровавых ранах с живыми обретається, то велел людям своим из Митавы больную к себе везть, что уже была и повезена. И видя оная последнее свое житье, принуждена была с дороги из Риги ко мне в Варшаву уходить, и свой несчастливый живот спасать. Того ради, упавая до ног вашего величества, рабски слезно прошу сотворить со мною милость, чтоб мне от него, Василья Салтыкова, не быть в поругании, и чтоб несчастливая собственная моя дочь не была отдана ему в прежнее мучение, и жить бы оной в моем доме. Тако ж за ее помянутое терпенье не токмо ее сущее приданое возратить, но и из его недвижимого оную милостиво повелели наградить, дабы она, несчастная дочь моя, в вечных слезах имела себе пропитание, понеже муж ее не токмо хуже вдовы, но и последней сироты учинил, ибо от нее не токмо счастье, радость, здравие, но и честь на веки отнял. Вашего величества нижайший раб, князь Григорий Долгоруков».

Нельзя не заметить, что челобитная написана искусно: в ней видна рука опытного старца-дипломата; особенно мастерски написано вступление, в котором министр ловко льстит одной из слабейших струн Петра, его страсти к преобразованиям.

Старый придворный, послав челобитную к своему повелителю, в то же время спешил побить челом и государыне: Екатерина обыкновенно была посредницею в семейных распрях тогдашней аристократии. Отец просил у нее дозволения оставить при себе дочь; монархиня, не без ведома мужа, соизволила разрешить, и князь рассыпался в благодарностях.

«15 сентября 1719 года. Варшава. Премилостивая, великая государыня, царица Екатерина Алексеевна! – писал Долгоруков. – Вашего величества ко мне отправленное из С.-Петербурга высокомилостивое писание от 10 июля, я здесь чрез почту всеподданнейше получил, из которого с великою радостью усмотрел, что ваше величество не токмо ко мне недостойному, и к последней своей рабе, к бедственной дочери моей, свою высокую милость не по заслуге простирать изволите, и быть оной несчастливой при мне соизволяете, за которую милость навеки ничем заслужить невозможно, и не смел бы повторительно сим моим дерзновенно трудить ваше величество. Токмо обнадеживает и придает мне смелость ваша высокая милость к бедственной дочери моей, которою милостию не токмо во всех бедах своих всегда радовалась и от немилости и мучения бессовестного мужа своего защищалась. К тому же усиленно принуждает меня натуральная отеческая нетерпеливость, смотря на сиротство и непрестанные слезы, и на тиранские раны и увечье несчастливой бедной моей дочери, которую бессовестный муж ее непрестанно не токмо лаял и бил, и людям своим ругать велел и голодом морил...» Далее сановник, все более и более раздражаясь при воспоминании об обидах дочери, повторяет известные нам подробности о поведении Салтыкова, о заботах царевны Анны, наконец, о бегстве дочери в Варшаву... «Упадая под ноги вашего величества, – заключал князь челобитье, – слезно прошу сотворить со мною высокую свою милость, дабы несчастливую дочь мою на прежнее мучение и убивство и мне на поругание и бесчестье к бессовестному мужу ее не отдавать. А что оная принесла за собою в приданое, не токмо то ее сущее возратить, но и из его недвижимого, за ее напрасное мучение и терпение, для оной воспитания милостиво приказать наградить, чтоб она в вечных своих слезах голодом не умерла, понеже муж ее не токмо оную всю ограбил, и счастье, радость, здоровье, но и честь от оной безвинно навеки отнял, и сделал не токмо хуже вдовы, но и последней сироты. О чем я рабски чрез свою нижайшую суплику и у его царского величества слезно милости просил. В чем на высокую вашего величества милость, как на Бога, надежду имею, что по своему ко всем сирым милосердию, бедственную дочь мою в высокой своей милости, для сего рабского слезного прошения оставить не изволите. Вашего величества нижайший раб, князь Григорий Долгоруков».

Между тем нежный братец успел уже «намутить» пред Прасковьей насчет царевны Анны, ее домашнего быта, двора и ненавистного ему и царице Петра Бестужева. Прасковья стала гневаться на дочь, не отвечала на ее письма, либо отвечала упреками, писала сухо... Анна Ивановна огорчалась гневом матери; кроме того ее смущала мысль: может быть, гневается на нее, по наговорам В. Ф. Салтыкова, и державный дядюшка с государыней. Она трепетала за себя, трепетала еще больше за то, что у нее, чего доброго, отнимут, наконец, гофмаршала. В минуты тяжкого раздумья герцогиня была неожиданно обрадована письмом от государыни (т. е. от ее секретаря). Катерина Алексеевна спрашивала царевну о житье-бытье, предлагала свое пособие, наконец, просила сообщить подробности о поведении Салтыкова в Митаве. Как велика была радость Анны Ивановны, можно заключить из ее длинного послания. Оно выведено собственноручными каракульками на большом листу серой бумаги порыжелыми чернилами; помещаем письмо буквально:

«Из Митавы, 4 день июля 1719 году. Государыня моя тетушка, матушка царица Екатерина Алексеевна! Здравствуй, государыня моя, на многие лета вкупе с государям нашим батюшкой, дядюшкой и с Государынями нашими сестрицами.

Благодарствую, матушка моя, за милость вашу, што пожаловала исволила вспомнить меня. Не знаю, матушка моя, как мне благодарить за высокую вашу милость; как я обрадовалась, Бог вас, свет мои, самое так порадует. Еи, еи, дарагая моя тетушка! Я на свете ничему так не радовалась, как нынче радуюсь о милости вашей к себе; и прошу, матушка мая, впредь меня содержать в своей неотменнай милости: еи, еи, у меня краме тебя, свет мои, нет никакой надежды! И вручаю я себя в милость тваю матеренскую, и надеюсь, радость мая тетушка, што не оставишь меня в своей милости и до маеи смерти.

Исволили вы, свет мои, ка мне приказовать, штоб я отписала про Василья Федоровича. И я донашу: каторай здесь бытнастию своею многие мне противности делал, как славами, так и публичными поступками, против моеи чести; между которыми раза стри со слезами от него отошла; а жену он сваю бил безо всякой здешнай причины, толка прежние упоминал, каторыми здешними своими худыми паступками здешних людей весма удивил. Он же сердился на меня за Бестужева, показывая себя, штоб он был, или хто другой, ево руки, на Бестужева места. И прошу, свет мои, до таво не допустить: я от Бестужева во всем доволна, и в моих здешних делах, очень харашо поступает. И о всех Василья Федоровича поступках писать я не магу; и приказала вам, матушка моя, славами о всем донести Маврину. И поехал Василий Федорович от меня (с) сердцам; мошна было видеть, што он снадеждаю поехал – што матушке на меня мутить. Извесна, свет мой, вам, как оне намутили на сестрицу (Катерину Ивановну). И как он приехал впитербурх, и матушка исволить ка мне писать не так милостива, как прежде исволила писавать; а нынче исволит писать, што б я не печалилась: «я де не сердита!» а я сваеи вины, еи, еи! Не знаю, а мошно видеть по писмам, што гневна на меня; и мне, свет мои, печална, што нас мутят. Также как праважал сестрицу (Катерину) Окунев до Мемля и был здесь, и приехал отселя в Питербурх, и он немала напрасна на меня намутил матушке; и чаю, – вы, свет мои, таго Окунева неволите знать. И ни чем не могу радоваца; толка радуюсь, матушка моя, твоею милостью к себе. – А кнежна (Александра Григорьевна Салтыкова, рожд. княжна Долгорукова) поехала от меня, и мне сказала тихонка, што поедет ис Риги в Варшаву кацу (к отцу).

При сем прашу, матушка моя, как у самаво Бога – у вас, дарагая моя тетушка: покажи нада мною материнскую милость: попроси, свет мои, милости у дарагова государя нашева, батюшка-дядюшка, оба мне, штоб показал милость: мое супружественнае дела ко окончанию привести, дабы я болше в сокрушении и терпении от моих зладеев, ссораю кматушке не была. Истенна, матушка моя, донашу: неснозна, как нами ругаютца! Еслибы я таперь была при матушки чаю бы чуть была жива от их смутак; я думаю, и сестрица от них, чаю, сокрушилась. Не оставь, мои свет, сие в своей миласте.

Также исволили вы, свет мои, приказовать ко мне: нет ли нужды мне вчом здесь? Вам, матушка мая, извесна, што у меня ничево нет, краме што с воли вашей выписаны штофы; а ежели к чему случей позавет, и я не имею нарочетых алмазов, ни кружев, ни полотен, ни платья нарочетава: и втом ко мне исволте учинить, матушка моя, по высокаи своеи милости, из здешних пошленных денег; а деревенскими доходами насилу я магу дом и стол свои в гот содержать. Также определон, по вашему указу, Бестужев сын ка мне обар-камарам-юнкаром; и живет другой год без жалованья; и просит у меня жалованья; и вы, свет мои, как неволите? И прошу, матушка моя, не прогневаясь на меня, што утрудила сваим писмом, надеючи на милость вашу ксебе. Еще прошу, свет мои, штоб матушка не ведала ничево; и кладусь в волю вашу: как, матушка моя, изволишь со мною. При сем племянница ваша Анна кланеюсь».

Приведенное нами послание, без всяких объяснений, довольно ярко обрисовывает личность герцогини. Мы узнаём отношения царевны к матери и к Салтыкову, о котором она боится много писать, к царице Екатерине Алексеевне и Петру, своим милостивцам; наконец, из того же письма ясно видны старания царевны снять всякое сомнение с Бестужева, чтоб отнюдь не вызвали его из Митава.¹³

Нежная заботливость двадцатипятилетней царевны о 54-летнем любимце и его семействе проглядывает в нескольких письмах. Вот одно из них, которое, как и нижеследующие, приводим дословно, но без сохранения массы грамматических ошибок, так как степень грамотности герцогини Курляндской, Анны Ивановны, достаточно засвидетельствована вышеприведенным, буквально приведенным, ее посланием; здесь же сохраняем лишь немногие своеобразности ее письма.

«Митава, 1719 годя ноября 1-го. Государыня моя тетушка и матушка царица Екатерина Алексеевна! Здравствуй государыня моя на многие лета, вкупе с государем нашим дядюшкой и батюшкой и с государынями нашими сестрицами.

Прошу, свет мой тетушка, содержать меня в вашей высокой милости, в которой мой живот, и всю мою надежду, и от всех противностей защищение имею. Еще прошу вашей высокой милости к Бестужевой дочери, княгине Волконской, которая ныне отселе поехала: не оставить ее в вашей высокой милости.

При сем, матушка моя дорогая, посылаю вашему величеству доскан еньтарной,¹⁴ о котором, свет мой, прошу милостиво принять.

При сем племянница ваша Анна кланяюсь».

Пока бил челом Долгоруков, да писала свою иеремиаду герцогиня Курляндская, нежный братец царицы Прасковьи не оставался в бездействии. Встречая атаку обороной, Салтыков притворился, будто ничего не знает, куда и от чего скрылась его жена, и в мнимом неведении 7 февраля 1720 года подал на высочайшее имя объявление.

В нем Василий Федорович обстоятельно рассказывает о том, как послал его государь в Митаву состоять при герцогине и как оставил он ее по указу царицы Прасковьи. «При этом отъезде я приказал жене своей Александре, – так объявлял супруг, – ехать за мной в Петербург как можно скорей. Для проводов оставлены были дворовые люди – Третьяков, Гаврилов, Васильев, Веревкин, жонка Яковлева да девица Аграфена Иевлева. Все названные служители, кроме жены моей да служанки, явились ко мне в Петербург. Ни жены, ни девки, ни животов моих, что при них осталось, не оказалось. А куда все они скрылись – про то я не сведал; ведомо же только то, что жена приказу моего не послушала, учинила противное и не хочет со мной в законе жить».

¹³ Петр Михайлович имел двух взрослых сыновей, почти однолеток с царевной. Сам он родился в 1664 г., умер в 1743 г. От жены Авдотьи Ивановны Талызиной Петр Михайлович имел дочь Аграфену Петровну, вышедшую за князя Н. Ф. Волконского, и двух сыновей: Михаила Петровича, р. 1688, у.

¹⁴ 1760, известного волокиту и льва своего времени, и Алексея Петровича, р. 1693, у. 1766, впоследствии знаменитого канцлера. (Прим. автора.)...доскан еньтарной... – т. е. янтарный ящичек, ларец или же табакерка.

Салтыков просил в заключение о снятии допросов со своих людей: куда и зачем скрылась жена его, куда дела его пожитки и проч. Достоинo замечания, что в числе представленных им служителей не было Васильева: он умер вскоре по приезде. Зная тогдашние нравы и характер брата царицы Прасковьи, невольно останавливаешься на мысли – не испустил ли дух безвестный челядинец под барскими батогами? Не погневался ли на него боярин за недосмотр за беглянкой-княгиней?

Но один не в счет – на смерть Васильева никто не обратил внимания; зато княжеские жалобы не остались втуне. На одной из них царь Петр положил резолюцию: «О сем розыскать и обиженной стороне полную сатисфакцию учинить в Юстиц-коллегии. А буде за чем решать будет неможно – учинить нам доношение». И вот дело потянулось обычным чередом. Одним из первенствующих членов коллегии был Андрей Артамонович Матвеев, друг и свойственник царицы Прасковьи, следовательно, на беспристрастие рассчитывать было трудно.

8 февраля 1720 года опросили людей; они рассказали известные нам обстоятельства, сопровождавшие побег их госпожи; сняли допрос с Шейдякова. Тот сознался в принятой им на себя командировке от начальника, сказал и то, каким образом выполнил он данное ему поручение.

«А тебе, Шейдякову, – уличал Салтыков, – без мужниного позволения ни увозить жены, ни ехать с ней в одной коляске не надлежало. По уложению да по артикулу: кто честную жену, либо вдову, либо девку увезет, тот подлежит смертной казни; командирского же приказаия в столь партикулярном деле слушать не надлежало».

Между тем князь Долгоруков присылал письмо за письмом; в каждом из них он повторял горькие жалобы на бесчеловечное обращение зятя с женой, требовал дочернего развода и возврата ее приданого. Все обвинения тестя Салтыков совершенно отвергал, уверяя устно и письменно, «что жену безвинно мучительски не бил, немилостиво с ней не обращался, – голодом ее не морил, убить до смерти не желал и пожитки ее не грабил». Впрочем, скромный супруг тут же не без наивности сознавался: «Только за непослушание бил я жену сам своеручно, да и нельзя было не бить: она меня не слушала, противность всякую чинила, к милости меня не привращала и против меня невежлила многими досадными словами и ничего чрез натуру не терпела! Бежать же ей в Варшаву было не из чего, а жалобы князя писаны были, без сомнения, без ее согласия».

Последнее предположение Салтыков основывал на письме, присланном к нему женой с дороги; письмо это, как мы видели, мало говорило в пользу ее дела и давало надежное оружие находчивому боярину.

В ответ на показания зятя, князь Г. Ф. Долгоруков отвечал, что «явную его неправду он, за далеким своим отлучением, ныне обличить не имеет возможности. Ходатая не имею: один был брат, и тем меня Бог за грехи ограбил». Старый князь пока просил государя только об одном: развести его «бедственную дочь, чтоб она на веки во слезах и в животе своем была от мужа безопасна, а мне, видя ее непрестанные слезы, с печали здесь (в Варшаве) не укоснуть, а от его, Василья, поругания и бесчестия беспрременно не умереть».

Сила и связи нежного брата были до такой степени надежны, что он стал смотреть на возникшее дело совершенно покойно и даже отшучивался в ответах на обвинения тестя: «Что в челобитье его написано, – говорил обвиняемый, – что иных поступков моих будто и написать невозможно, в том и отвечать мне на то, что в челобитье не написано, невозможно... Истец же мой, будучи в Варшаве, не ведал подлинно, как жил я с женой в Митаве: видеть и слышать ему из Варшавы в Митаву далеко и невозможно; а не видав да не слыхав, и челобитной писать не надлежало! Что же до того, чтоб возратить жене ее приданое из недвижимого имения, то ни из каких указов, ни из пунктов уложения не видно, чтоб мужья награждали жон за уход...»

Отец Салтыковой, князь Григорий Федорович Долгорукий, в письме к императрице, указывая на причины медленности процесса с его зятем, писал: «Всем обидимым милости-

вая мать! Известно вашему величеству, какие дочь моя от мужа своего нестерпимые обиды и смертные побои терпела и совсем ограблена и ныне без всякого милостивого страждет рассуждения, что еще по сие время не только правого решения и ни начала по неусыпному моему прошению в ее известном деле нет, когда многие противные сильные особы людей в пользу его просят и принуждают, а моего никакого истинного прощения принять не хотят и к себе ни с какою истиною меня не допускают; того ради помянутый зять мой в Москве и по деревням всегда ездит и до ныне гуляет и веселится и мне ругается».

Вообще Василий Федорович вел дело так смело, ловко и обстоятельно, что Юстиц-коллегия единогласно положила: обиженной стороны нет, так как взаимно жалуются друг на друга тесть и зять: обе стороны были истцами. Обвинения князя Долгорукова не доказаны; Салтыков же основательно привел в оправдание собственноручное письмо жены с дороги в Варшаву; из него видно, что она от мужа не отрицается, уехала без его позволения, по приказу отцовскому, а пожитки свои добровольно оставила в Митаве. Вследствие всего этого, заключала Юстиц-коллегия, сего дела без подлинного ответа жены Салтыкова «рознять» невозможно; нужны ее собственные показания и ее свидетелей; а челобитная отца после ее собственноручного письма к мужу недействительна; что же касается до развода, того духовного дела Коллегия судить не может. Подписали: Андрей Матвеев. Brewern. Вольф. Иаков Масальский. Стрик и Егор Кушелев.

За уклончивым решением Юстиц-коллегии, дело перешло в Синод; но и в нем были либо ставленники, либо угодники царицы Прасковьи и ее именитого брата. Как ни торопил князь Г. Ф. Долгоруков, что ни писал он то к государю, то к его кабинет-секретарю, ничто не помогало. Самое заступничество царевны Анны Ивановны за его дочь не помогло разводу, а только усилило злобу Салтыкова: его резкие замечания о дворе герцогини Курляндской, найдя опору в царице Прасковье, вызвали государя на строгое замечание ее гофмаршалу. «Понеже слышу, – писал Петр 22 мая 1721 года к Бестужеву, – что при дворе моей племянницы люди не все потребные, и есть и такие, от которых стыд только; также порядку нет при дворе, как в лишнем жалованье, так и в расправе между людьми, на которое сим накрепко вам приказываем, чтоб сей двор в добром смотре и порядке имели... людей непотребных отпусти и впредь не принимай; виновных наказывай, понеже неисправление взыщется на вас».

С 1722 годом пришло время персидского похода:¹⁵ милостивцы князя уезжали; Синод в это время мог решить дело не в его пользу – и вот князь Григорий Федорович Долгоруков спешит побить новую челобитную:

«Премилосердая императрица и всем обидимым милостивая мать и государыня! Не смел моим рабским прошением часто трудить его императорское величество, чтоб известное продолжительное дело в Синоде бедственной дочери моей окончилось при вашем величестве. А ныне сомневаюсь, дабы то дело, по отшествии вашего величества, по воле государыни царицы Прасковьи Федоровны, в пользу Василия Салтыкова не вершили, что уже у дочери моей из Синода на допрос мужа ее ныне здесь и улика взята; и ежели ваше величество отымите от меня руку своей милости и не изволите архиереям милостиво то дело без себя приказать по правилам св. отец окончить, а паче докторскою сказкою, который дочь мою от бою мужа ее в Митаве лечил, которая взята у одного под присягою, не по моему прошению токмо, по именному его величества указу для истинного в том деле свидетельства, то оное дело и паки бесконечно будет продолжаться.

О сем, припадая к ногам вашего величества, слезно рабски прошу сотворить свою высокую милость, чтобы то дело изволили Синоду ныне приказать окончить, дабы бедственная

¹⁵ ...пришло время персидского похода... – автор имеет в виду поход русской армии и флота под командованием Петра I в Закавказье (1722–1723).

дочь моя от немилости сильных навеки изобижена не была. Вашего величества нижайший раб, князь Григорий Долгоруков».

Чем же кончилась эта семейная драма? Кончилась она не скоро. В 1730 году, семь лет спустя после смерти отца, Александра Григорьевна, разведенная наконец с мужем, пострижена, по повелению Анны Ивановны, в Нижегородский девичий монастырь, и в том же году схоронила мужа. Действительно ли это пострижение было делом невольным, поступила ли она в монастырь прежде или после смерти своего «нежного» супруга – неизвестно.

Вообще вся тяжба из-за развода для нас важна не столько сама по себе, сколько потому, что ее подробности освещают личность единственного брата царицы Прасковьи. Самоуправство, хитрость, пронырливость, грубость обращения, доходящая до жестокости, – вот главные черты, резко выдающиеся в характере Василия Федоровича Салтыкова. В нем, как мы увидим, много общего с характером царицы Прасковьи; одна личность действовала на другую: характер Прасковьи округлялся и дополнялся свойствами ее нежного братца; нежный братец, наоборот, много заимствовал у сестрицы, а оба вместе они не могли не действовать на развитие умственных и душевных свойств будущей императрицы Анны Ивановны и герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны. Познакомясь с Анной, мы не можем оставить без внимания ее сестры – царевны Екатерины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.